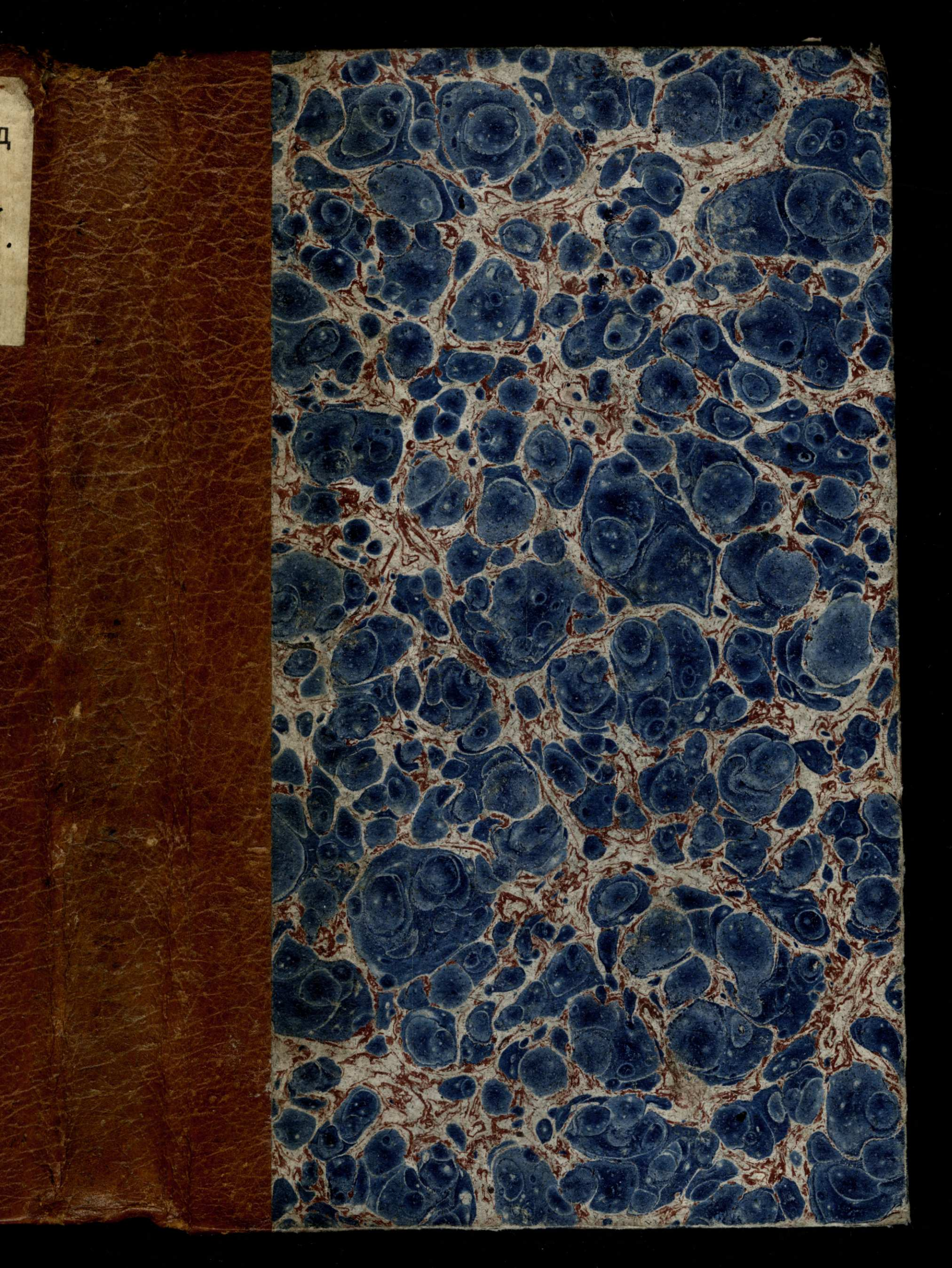
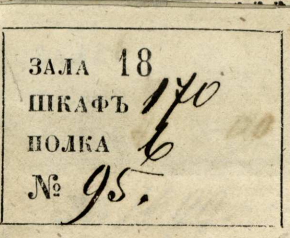

КЛЕМЕНТИНА

И

ДЕЗОРМЪ

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Перевелъ съ Французскаго

Алексѣй Малиновской.

Въ первой разъ представлена на Московскомъ публичномъ театрѣ 10 Маія, 1788 года.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Типографіи при Театрѣ у Хр. Клаудія 1789 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА
и Актеры.

СИРВАНЪ, г. *Померанцевъ.*

ВАЛЬВИЛЬ, сынъ г. Сирвана, г. *Сахаровъ.*

ФРАНВАЛЬ, отецъ, г. *Залышкинъ.*

ФРАНВАЛЬ, сынъ, г. *Украсовъ.*

ДЕЗОРМЪ, управитель г. Сирвана, г. *Лапинъ.*

ГЕРМАНЪ, старой служитель г. Вальвиля, г. *Федотовъ.*

КАРЛЪ, г. *Угрюмовъ.* } слуги г. Сирвана.

ЛУДОВИКЪ, г. *Волковъ.* } слуги г. Сирвана.

Два откупщика, г. *Ожогинъ* и *Вишневской.*

КЛЕМЕНТИНА, дочь г. Сирвана, гжа. *М. Синявская.*

ЮЛІЯ, женщина пожилыхъ лѣтъ воспитавшая Клементину, гжа. *Померанцева.*

Слуги.

Полицейская команда.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ г. Сирвана за четверть мили отъ уѣзднаго Французскаго города.

КЛЕМЕНТИНА
И
ДЕЗОРМЪ,
ДРАМА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богато убранную комнату, на правой сторонѣ дверь въ покои Клементины, по лѣвую находится комната назначенная для г. Франваля; посрединѣ двойная дверь, чрезъ которую проходятъ къ г. Сирвану. На одной сторонѣ поставленъ столъ съ ящиками для письменныхъ дѣлъ. Дѣйствіе начинается около семи часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дезормъ.

(одинъ сидя за столомъ).

Я совсѣмъ не понимаю, что дѣлаю! (*пребываетъ нѣсколько*

вре-

времени въ задумчивости; облокотясь на столъ, и закрывъ себѣ лице обѣими руками, послѣ тяжкаго вздоха говоритъ:) непременно должно . . . . непременно. . . . . . Такъ Клементина, должно отъ тебя удалиться. . . . . Клементина! навсегда должно отказаться отъ тебя! . . . . (*берется за перо.*) Кажется все въ порядкѣ, не чѣмъ будетъ упрекнуть меня. . . . . . Но какъ я! (*бросивъ перо*) . . . Ахъ несчастной! развѣ ты не зналъ себя? Злополучїе послѣдовала за тобою отъ самой колыбели, то какъ осмѣлился ты? . . . . Нѣтъ . . . . . нѣтъ . . . . . сердце мое сверьхъ чаянїя вовлеклось. . . . . Я и самъ не знаю, какъ это случилось. Когда я началъ разсуждать, то уже было поздно . . . (*по нѣкоторомъ молчанїи съ великою живостїю ставъ, продолжаетъ*) Но теперь пора спасать

себя

себя отъ бѣдъ, которыя мнѣ предстоятъ; есть еще время, убѣжавъ изъ сего дома, возвратить оному тишину, которую я нарушилъ. . . . . Чего мнѣ надѣяться, когда я здѣсь останусь? Я вооружу юную дѣвицу къ нарушенїю всѣхъ обязанностей; сдѣлаю ея ослушною повелѣнїямъ отца; въ конецъ погублю себя и ея, питая то заблужденїе, которое обѣихъ насъ обольстило. Исторгну ея изъ родительскихъ объятїй для того, чтобъ присоединила она судьбу свою къ участи несчастнаго, которой какъ бы безвиненъ ни былъ, но считается виновнымъ, котораго семѣйство отринуло, котораго отецъ изгналъ изъ дома своего, котораго друзья предали забвенїю, и для котораго горесть сдѣлалась безпрерывнымъ чувствованїемъ. . . . . Побѣгу . . . это необходимо. . . . . . О родитель

 мой

мой! . . . . колико ты долженъ упрекать себя! (*складываетъ бумаги*) удалимся. . . . . Я властенъ самъ въ себѣ; . . . . но сердце мое! . . . . ужасная жертва! . . . честь того требуетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Юлїя и Дезормъ.

Юлїя. (печально).

Господинъ Дезормъ, барышня проситъ не можитель вы съ нею повидаться? . . . Ахъ сударь! . . .

Дезормъ. (съ безпокойствомъ).

Что такое Юлїя?

Юлїя.

Клементина, въ такомъ отчаянїи! . . . . вы ужаснетесь.

Дезормъ.

Увы!

Юлїя.

Теперь только вышелЪ отЪ нея батюшка. . . .

ДезормЪ.

Что такое!

Юлїя.

ОнЪ приходилЪ сказать ей о прїѣздѣ жениха ея. . . . ОтецЪ этаго молодаго человѣка прїѣдетЪ нонишной день.

ДезормЪ. (задыхающимся голосомЪ.)

ТакЪ, нонишней вечерЪ. . . Я это знаю. . . (*вынимаетЪ часы свои*) Теперь семь часовЪ . . . . . черезЪ часЪ онЪ будетЪ здѣсь. . . . А сынЪ его прїѣдетЪ завтра.

Юлїя.

ГосподинЪ СирванЪ, лишь оставилЪ Клементину, то и поѣхалЪ на встрѣчу старинному своему прї-

пріятелю. . . . Какъ ни плакала дочь его; что ни говорила ему противъ такого брака, которой для нея ужасенъ, какъ она ни просила! . . . . ничто не могло его убѣдить. . . . . Теперь нѣтъ уже никакой надежды, вы должны разлучиться на вѣки.

Дезормъ. (изпустивъ тяжкой вздохъ.)

На вѣки!

Юлія.

Збылось то наконецъ, чего я всегда ожидала отъ любви вашей. Недостаточное состояніе ваше, и незнатность запрещали вамъ думать о Клементинѣ, она также не должна была объ васъ мыслить; а мнѣ хотябъ давно надлѣжало повѣдать вашу тайну. . . . Но я всегда ея хранила: нѣжная привязанность моя къ сей дѣвицѣ, которая взросла на рукахъ

моихъ, слезы ея, ваши убѣжденія, почтеніе, которое вы пріобрели отъ меня, и дружба . . . меня ослепили. Вы питали себя надеждою, я также предалась тому мѣчтанію, которое льстило вамъ счастіемъ. . . . Этотъ случай все обратилъ въ ничто; поздно уже вижу свою ошибку. . . . Я цѣлой вѣкъ буду тѣмъ упрекать себя. Вы съ Клементиной также должны безпрестанно винить меня. Одно слово остановило бы васъ на краю пропасти; а теперь оная разверзлась, и всѣму слабость моя виною.

Дезормъ.

Я уже сказалъ тебѣ Юлія, что порода моя даетъ мнѣ право требовать за себя Клементину. . . . Когдабъ судбина не столь яростно устремилась гнать меня, тобъ ей нестыдно было назы-

ваться моею супругою. . . . Больше я не могу ничего сказать . . . . но ты правду говоришь, насъ все разлучаетъ. . . . . Я повинуюсь жребiю своему . . . . Извѣстно ли по крайней мѣрѣ теперь, кто будетъ ея супругомъ?

Юлiя.

Это до сихъ поръ содержится въ тайнѣ. Одно только то могла я провѣдать, что онъ сынъ нѣкотораго Президента въ Гренобльскомъ Парламентѣ.

Дезормъ. (торопливо.)

Онъ изъ Гренобля, говоришь ты? (*про себя*) меня узнаютъ. . . . Побѣжимъ; не для чего мѣшать.

Юлiя.

Что вы говорите?

Дезормъ. (съ смущенiемъ.)

Юлiя . . . поди къ своей барышнѣ . . . . скажи ей. . . . . что

и

и я чрезмѣрно желаю съ нею видиться.

Юлїя.

Ахъ! сударь, я очень опасаюсь, чтобъ изъ этаго произшествїя не вышло для нея чего нибудь вреднаго. Вы знаете каковъ господинъ Сирванъ. Правда, что онъ любитъ дѣтей своихъ, но когда осердится, то не помнитъ самъ себя и ничего не щадитъ; хотя и не продолжителенъ бываетъ гнѣвъ его, только ужасно выдерживать въ началахъ его изступленїе.

Дезормъ.

Онъ неистовъ когда раздражится, я это знаю, но при всѣмъ томъ онъ добродушенъ и чувствителенъ. . . . . Юлїя . . . . . не покидай Клементину, ей нужно утѣшенїе.

Юлія.

Вы властны надъ ея сердцемъ, отъ васъ зависитъ благополучіе ея. Пожертвуйте ей любовію, которая обѣимъ вамъ служитъ къ одной только горести. Поговорите ей . . . . представте ей. . . . . Я васъ знаю, вы отъ этаго, по честности вашей, не откажитесь.

Дезормъ. (съ твердостію и вздохнувъ.)

Я исполню, что мнѣ долгъ повелѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Дезормъ. (одинъ.)

(Поджимаетъ руки, лице его должно выразить волненіе души. Нѣсколько минутъ стоитъ не подвиженъ, потомъ бросается въ кресла. Молчаніе его прерывается тяжкими вздохами, вставши въ другъ, говоритъ.)

Нѣтъ, я не буду свидѣтелемъ благополучія моего соперника . . .

эта

эта мысль ужасна! кто онъ таковъ! какой счастливой смертной похищаетъ у меня то, что я люблю и что буду любить до послѣдняго моего издыханія? Онъ родился въ Греноблѣ . . . отецъ его ѣдитъ съ нимъ сюда . . . отецъ его конечно любитъ! желая благополучія своему сыну, онъ испрашиваетъ за него Клементину и даетъ ему въ супруги, то что природа сотворила совершеннѣйшаго. Ахъ родитель мой, когдабъ не ослѣпился ты навѣтами злобной мачихи и не попустилъ ей овладѣть собою, я бы могъ также, какъ и сей юноша, искать своего счастія! ты бы предускорилъ моего соперника! я бы получилъ Клементину изъ рукъ твоихъ! Ты бы даровалъ мнѣ сокровище превосходящее самую жизнь, когдабъ сочеталъ сына своего съ такою дѣвицею, безъ которой онъ не

не можетъ быть счастливъ. Но какая превратность! родитель мой, ты низвергъ на меня бремя проклятія своего! ты меня изгналъ и удалилъ съ глазъ своихъ . . . злополучіе досталось мнѣ въ удѣлъ; слезы и сокрушеніе предназначены мнѣ на цѣлую жизнь! . . . Великій Боже! къ тебѣ взываю, укрѣпи и не отрини меня . . . Когдабъ гласъ твой вопіющій сердцу моему не удержалъ дерзновенной руки моей . . . . меня бы давно уже небыло и я бы пересталъ терзаться! Не уже ли ты, даруя мнѣ жизнь, содѣлалъ оную бичемъ гнѣва своего и не прекращаешь дней моихъ для того, чтобъ продлились одни только мученія?

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дезормъ, Лудовикъ.

Лудовикъ.

Господинъ Дезормъ, откупщики принесли вамъ деньги. (*Дезормъ облокотясь на ручку у креселъ, погружается въ великую задумчивость, не видитъ ничего и не слышитъ. Лудовикъ кричитъ ему на ухо*) Господинъ Дезормъ! . . .

Дезормъ. (въ смущеніи.)

Что такое?

Лудовикъ. (про себя.)

Какъ онъ смущенъ! . . . (*въ слухъ*) откупщики принесли тѣ денги, объ которыхъ имъ приказано.

Дезормъ. (въ волненіи.)

Да . . . . хорошо . . . . они здѣсь! . . . (*приходя въ себя*) впусти ихъ сюда. Я приму отъ

нихъ

нихъ деньги . . . . (*про себя*) надо преодолѣть свою горесть.

Лудовикъ. (поглядывая на него, говоритъ про себя.)

У этаго молодца съ нѣкотораго времени есть какія нибудь замыслы . . . . (*отступаетъ нѣсколько назадъ и потомъ опять возвращается*) Не знаете ли вы, возвратился ли домой Господинъ Вальвиль? Батюшка его спрашивалъ.

Дезормъ. (въ задумчивости.)

Кто! Вальвиль? . . . братъ Клементины?

Лудовикъ.

Такъ, сударь, барышнинъ братецъ. . . . (*про себя*) Желалъ бы я знать, объ чемъ онъ такъ задумался.

Дезормъ. (также въ задумчивости.

Я его цѣлой вечеръ не видалъ.

Лудовикъ.

Здѣшней замокъ блиско отъ города, и естьли онъ поѣхалъ туда, то надобно думать, что къ ужину возвратится домой. (*Видя, что Дезормъ ему не отвѣчаетъ*) Онъ конечно помѣшался .... (*откупщикамъ*) Взойдите сюда, господинъ Дезормъ приметъ отъ васъ деньги (*выходитъ, посматривая на Дезорма и оказывая удивленıе свое о его задумчивости.*

ЯВЛЕНІЕ V.

Дезормъ, два Откупщика.

Первой откупщикъ.

Здравствуйте г. Дезормъ; не браните ли вы насъ, что мы нѣ-

нѣсколько замѣшкались; однакожъ мы вчера только получили ваше письмо.

Дезормъ.

Я и самъ друзья мои также вчера узналъ, что г. Сирвану понадобилась та сумма денегъ, которую я отъ васъ потребовалъ.

Другой откупщикъ.

Вотъ она, мы принесли.

Дезормъ.

Я думаю, что съ тебя слѣдуетъ получить пять тысячь франковъ.

Первой откупщикъ.

А отъ меня должно принять семь. Намъ бы нужно было, господинъ Дезормъ, сдѣлать нѣкоторую уступку, или по крайней мѣрѣ отсрочку; сами знаете какой неурожай былъ нонишнаго года.

Другой откулщикъ.

Когдабъ намъ не помогли, тобъ негдѣ было взять.

Дезормъ.

Будьте увѣрены, естьли бы зависило отъ меня, я бы вамъ отсрочилъ.

Первой откулщикъ.

О! мы знаемъ это; вы добры и жалостливы, когда вы разбогатѣете и будите имѣть у себя помѣстья, то счастливы ваши откупщики! вы примете участїе въ ихъ нуждахъ. Вы ни чего не пропустите безъ вниманїя и разсмотрѣнїя. Вы будите знать чего стоитъ трудъ, и что земля, хотя всегда орошается нашимъ потомъ, но часто въ надеждѣ насъ обманываетъ; кто у васъ ея откупитъ, вы не потребуете у тѣхъ многаго, въ то

время когда они сами ни чего не получатъ . . . . Вы будите имъ вмѣсто отца, и они станутъ молить за васъ Бога. — Для чего богатыя люди не всѣ таковы!

Дезормъ.

Я васъ благодарю, друзья мои, за хорошее обо мнѣ мнѣнїе. Г. Сирванъ также очень доброй помѣщикъ, къ несчастїю вашему ему никакъ нельзя было обойтится безъ этихъ денегъ. Онъ не для себя ихъ потребовалъ, но для одолженїя одного изъ друзей своихъ.

Другой откупщикъ.

Когда такъ, я объ этомъ не жалею.

Дезормъ. (говоря съ ними, потомъ пишетъ квитанцїи и отдаетъ ихъ.)

Вотъ твоя квитанцїя. . . . Такъ, это та . . . . а вотъ и твоя. *Пер-*

Первой откулщикъ.

Много благодарствую.

Другой откулщикъ.

Теперь я на нѣсколько времени расквитался.

Дезормъ.

Вы не отправитесь нонче въ ночь?

Другой откулщикъ.

Нѣтъ, теперь уже смерклось . . . . завтра чемъ свѣтъ.

Первой откулщикъ.

Мы вамъ мѣшаемъ, можетъ быть у васъ есть дѣло. Прощай г. Дезормъ.

Другой откулщикъ.

Прощайте, прошу содержать насъ въ своей милости.

Дезормъ.

Прощайте друзья мои.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дезормъ, одинъ. Кладетъ мешки въ ящикъ, которой не закрываетъ, и нѣсколько подумавъ, говоритъ:

Нѣтъ, я не пойду къ Клементинѣ . . . . она не знаетъ, что я нонишную ночь долженъ отправиться въ путь. . . . Станетъ ли столько силъ моихъ, чтобъ скрыть то отъ нее? . . . . Ахъ! она примѣтитъ это изъ глазъ моихъ, ей скажетъ то сердце мое . . . . горесть ея и слезы! . . . я не пойду къ ней. . . . Это послужитъ къ гибели моей . . . . письмо извѣститъ ея о томъ, чего языкъ мой не можетъ сказать; я не увижу слезъ ея. . . . Она равномѣрно не будетъ свидѣтельницею отчаянія моего. Кто-то идетъ! . . . (*видѣвъ Клементину, тороплива встаетъ*)

это

это она . . . (*съ невольною радостїю*) И такъ я ея еще увижу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Клементина, Дезормъ.

Дезормъ. Идетъ къ ней на встрѣчу; она плачетъ и отворачивается отъ Дезорма, чтобъ скрыть свои слезы.

Клементина! Боже мой! въ какомъ ты состоянїи! Ради Бога успокой себя, горесть твоя меня поражаетъ.

Клементина. (сѣвши.)

Ахъ! Дезормъ! ты меня покидаешь . . . . ты оставляешь меня одну на смертельное мученїе. . . . . . Ты соглашаешся на мое несчастїе! . . . Не ты ли всегда говаривалъ мнѣ, что по состоянїю своему, можешь требовать руки моей?

Дезормъ.

Это правда, что я рожденъ отъ такого отца, которой занимаетъ знатной чинъ въ одномъ изъ первыхъ городовъ Королевства: я благородной крови; имя предковъ моихъ извѣстно. . . . Но отъ того я ни счастливѣе.

Клементина.

Для чего ты всегда таился отъ меня, и не открылъ мнѣ своихъ бѣдствїй? Для чего не извѣстилъ ты о томъ моего родителя? Онъ бы могъ быть для тебя полезенъ.

Дезормъ.

Я долженъ въ тайнѣ страдать и не открывать того, что нанести можетъ стыдъ тому, отъ котораго я получилъ жизнь. Мачиха причиною всего моего несчастїя. . . . Отецъ мой боготворилъ

ея, и пожертвовалъ ей мною; проступки мои происходили отъ неразсмотрительности, которой подвержена юность. Мачиха моя, желая доставить право перворожденїя сыну своему, которой былъ единымъ плодомъ ихъ брака, оклевѣтала меня отцу. Онъ ей повѣрилъ. Я такъ горделиво поступилъ въ семъ случаѣ, что, не стараясь упрашивать, осмѣлился защищать свою невинность и свои права, можеть быть съ излишнею горячностїю, мнѣ приписали ужаснѣйшїя умыслы; не было гнусности, которой бы не взвели на меня. Родитель мой, будучи побуждаемъ наговорами жены своей и безпрестанно огорчаемъ, изгналъ меня изъ дому своего и проклялъ.

Клементина.

Какъ можетъ отецъ быть толико жестокосердъ къ своему рожденїю!

 Де-

Дезормъ.

Свѣдавъ нечаянно, что хотятъ лишить меня свободы, я бѣжалъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ родился. Скитаясь долгое время, наконецъ я пришелъ сюда; увидѣлъ тебя, полюбилъ и забылъ всѣ свои несчастія. Званіе управителя, хотя и неприлично было мнѣ, по моему рожденію, но приближая къ тебѣ, оно показалось для меня почтеннымъ. Я представленъ былъ г. Сирвану нѣкоторымъ престарѣлымъ воиномъ, которой столько зналъ меня, что могъ ему ручаться за мое поведеніе, онъ меня принялъ . . . Тщетно до сихъ поръ надѣялся отъ времени и счастія въ дѣлахъ своихъ такой перемѣны, котораябъ позволила мнѣ искать руки твоей!

Клементина.

Но для чего ты не старался оправдаться предЪ отцемЪ своимЪ?

ДезормЪ.

Письма мои перехватывали, старанія друзей моихЪ оставались безплодными; я такЪ отчаялся, что болѣе не предпринималЪ ни чего; семь лѣтЪ, какЪ я не имѣю никакого извѣстія о моемЪ семействѣ; и скоро минетЪ одиннатцать, какЪ я изринутЪ изЪ недрЪ его.

Клементина.

Несчастной! сЪ такими добродѣтелями!....

ДезормЪ.

КогдабЪ добродѣтель не была наградою сама по себѣ, тобЪ ни кЪ чему не служило быть добро-

дѣтельнымъ. . . . Я не въ силахъ переносить одной только твоей горести. Прости меня, что я столько бѣдъ нанесъ тебѣ? . . .

Клементина.

Судьба моя такова, что вѣчно мнѣ страдать. . . . . Но я не виню тебя.

Дезормъ.

Ахъ! не терзай моего сердца такими словами . . . (*съ усилїемъ*) Ты никогда небудешь моею, я также не могу быть твоимъ.

Клементина.

Ты ли это мнѣ говоришь! . . . жестокой! . . . . Ахъ! ты правду говоришь. Повторяй мнѣ, что я никогда не буду твоею. . . . . Но какъ могли мы ослѣпиться? Какъ мы этаго не предвидѣли? . . . . Я тебя не упрекаю, сердце мое прежде воспламени-

менилось: я всему виною . . . . родитель мой сказалЪ, . . . что черезЪ три дни . . . . АхЪ! ДезормЪ, мнѣ нуженЪ теперь другЪ, которой бы подалЪ руку помощи: тебя я прошу; успокой колеблемый мой духЪ; будь мнѣ помощникомЪ и покровителемЪ . . . защити меня отЪ самаго себя! когда я не могу быть твоею, то излѣчи сердце мое отЪ любви, которая составляла мое блаженство; говори, я ни на кого, кромѣ тебя не надеюсь; ни кто кромѣ Дезорма, меня не успокоитЪ, его только твердость можетЪ придать мнѣ силы.

ДезормЪ. (сЪ большимЪ усилїемЪ.)

Отсутствїе, время и разсужденїе перемѣнятЪ вЪ тебѣ чувствованїя и должность обратить ихЪ кЪ другому. . . . Ты сама увидить,

дишь, что разсудокъ возметъ верхъ. . . .

Клементина. (смотря на него пристально.)

Ты думаешь, что время перемѣнитъ мою горячность къ тебѣ, по этому время и твою любовь истребитъ?

Дезормъ. (невыдержавъ, говоритъ страстно.)

Я! чтобъ я! престалъ любить тебя. Нѣтъ никогда! . . . (*пришедъ въ себя*) но я забываюсь . . . . чрезъ три дни, сударыня, другой будетъ имѣть право надъ вашимъ сердцемъ.

Клементина.

Какое право! можно ли насиліе называть правомъ?

Дезормъ.

Это правда, что душа наша свободна; но она должна жертвовать

вать свободою своею общественнымЪ обязанностямЪ, ей надлежитЪ безпрестанно превозмогать свои страсти; когда усилїе тягостно, то коль прїятно сказать самому себѣ! меня окружаютЪ существа, коихЪ все благополучїе зависило отЪ меня, трудно мнѣ было имЪ доставить оное; но я, противоборствуя сама себѣ, преодолела себя, они счастливы мною. ВотЪ Клементина, что ты скажешь; смотря на своего супруга, на дѣтей своихЪ и на отца своего; ты будешь спокойна, вспомянешь иногда обо мнѣ, не чувствуя ни чего кромѣ сожаленїя.

Клементина.

АхЪ! другЪ мой, ты мало успѣлЪ вЪ своемЪ предпрїятїи . . . . Ты умножилЪ почтенїе, которое я кЪ тебѣ имѣла, но

но не ослабилъ любви моей къ себѣ.

Дезормъ.

Ахъ, сударыня?

Клементина. (съ примѣтнымъ усилїемъ.)

Я все употреблю чтобъ преодолѣть . . . хотя и не надѣюсь, но буду принуждать себя. . . . (*съ великимъ участїемъ*) А ты? . . . скажи мнѣ. . . . Что ты намѣренъ предпринять?

Дезормъ.

Честному человѣку всегда открыты способы для избѣжанїя неимущества. Теперь время военное, я уже былъ въ службѣ, то опять вступлю въ оную; хотя мнѣ извѣстно, что счастїе оружїя мѣдленно; я знаю также, что храбрость нерѣдко бываетъ въ забвенїи; но не смотря ни на что, по-

похвально служить своему отечеству.

Клементина.

Удались, бѣги отъ меня, будь полѣзенъ Государству; но соблюдай жизнь свою, она для меня драгоцѣнна! помни Клементину, которая въ вѣкъ тебя не забудетъ. . . . Прощай, Дезормъ . . . прощай. . . . Состоянїе твое равно съ моимъ и я бы могла быть за тобою; но гоненїе отца твоего! . . . . Прости . . . мы скоро разлучимся. Люблю тебя . . . . а буду супругою другаго!

(Она мѣдленно удаляется, смотря безпрестанно на Дезорма. Онъ горестно сопровождаетъ ея своими взорами; оба дѣлаютъ знакъ, чрезъ которой обнаруживается ихъ отчаянїе. Клементина уходитъ въ свою комнату.)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дезормъ. (одинъ.)

О добродѣтель! о должность! ужель вы удовлетворены? совершена ли теперь жертва? Все кончено, я простился съ нею на вѣки. Должно отдать это письмо Юлїи. . . . . Она вручитъ его дѣвицѣ Сирванъ, когда меня здѣсь не будетъ. . . . . Увы! нонишную ночь я удалюсь отсюда! . . . Въ послѣднїй уже разъ Клементина будешь ты слышать о бесчастномъ Дезормѣ. — Счоты мои въ порядкѣ, теперь я могу. . . . . На дворъ кто-то въѣхалъ! . . . . Не ужли это? . . . . (*подходитъ къ окошку*) почтовая коляска! . . . . И такъ нѣтъ болѣе надежды. . . . Это отецъ жениха Клементины. . . . . не для чего отлагать удалимся . . . . Но я забылъ. . . . . Ахъ! нѣтъ должно бѣжать. На

что подвергать себя распросамЪ ? . . . пожитки мои отданы будутЪ послѢ. . . . . Деньги эти отнесу вЪ кладовую , а ключь отошлю господину Сирвану , когда . . . .

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДезормЪ, Юлія.

Юлія.

ПрезидентЪ уже пріѢхалЪ и выходитЪ изЪ коляски. Эта комната для него назначена ; онЪ сей часЪ войдетЪ сюда . . . . вы увидите его . . . . вы узнаете.

ДезормЪ.

(Когда входитЪ Юлія, онЪ стоитЪ предЪ открытымЪ у стола ящикомЪ , имѢя подЪ рукою два мешка сЪ денгами ; онЪ готовился взять два остальныя , какЪ , выслушавЪ Юлію и устрашась , опять бросаетЪ деньги вЪ ящикЪ, задвигаетЪ его , не вынувЪ ключа , и сЪ великимЪ смущеніемЪ говоритЪ ей.)

 АхЪ !

Ахъ! Боже мой! нѣтъ . . . . я не въ силахъ . . . . Юлїя! . . . здѣлай дружбу, отдай письмо это Клементинѣ.

Юлїя.

Отъ васъ?

Дезормъ.

Да.

Юлїя.

Теперь отдать?

Дезормъ.

Нѣтъ, нѣтъ . . . . ахъ Юлїя! сдѣлай милость. . . . Нонче въ вечеру . . . . или ночью . . . . нѣтъ, отдай ей завтра.

Юлїя.

Хорошо, завтра.

Дезормъ. (едва можетъ вымолвить.)

Прощай, Юлїя.

Юлїя.

КакЪ это! Вы никогда не возвратитесь?

Дезормъ. (голосомЪ прерывающимся всхлипыванїями.)

Не покидай ея . . . . ИмѢй обЪ ней попеченїе . . . . утѢшай ея . . . . я никогда не забуду того, что ты для меня здѢлала . . . . Скажи ей . . . . что она ни на минуту не выдетЪ изЪ сердца моего . . . до самой смерти . . . АхЪ! Юлїя . . . . прощай . . . . слезы мои говорятЪ тебѢ за меня . . . . но я долженЪ . . . . прости.

ЯВЛЕНIЕ X.

Юлїя. (одна.)

Несчастная Клементина! . . . ИзЪ огорченїя его заключить должно, что они вѢчно не увидятЪ другЪ друга.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Юлїя, Германъ.

Германъ.

Не знаешь ли Юлїя, гдѣ Вальвиль? Батюшка его давно уже спрашиваетъ.

Юлїя.

Я не знаю. Онъ всегда возвращался домой прежде ночи.... Это странно! Господинъ твой начинаетъ портится.

Германъ.

Когда г. Сирванъ узнаетъ, то много будетъ шуму.... Не говори объ этомъ никому.... можетъ быть, по молодости своей, онъ вошелъ въ какїя нибудь шалости.... Вотъ каково не давать пристойной свободы молодымъ людямъ.... чрезмѣрная строгость столько же вредна, какъ и излишнее попущенїе.

Юлїя.

За чемъ зоветъ его г. Сирванъ?

Германъ.

Ему должно завтра отправиться со мною по утру въ пять часовъ на встрѣчу будущему своему зятю, сыну г. Франваля. . . . . . Теперь уже извѣстно стало имя жениха, объ чемъ такъ долго не знали. Нѣкоторое дѣло, до чести касающееся, принудило его скрываться; но теперь оно приведено къ концу, и таиться уже не для чего. . . . . Однако звонокъ били и скоро сядутъ за столъ. . . . . Прощай Юлїя.

Юлїя.

Прощай Германъ. (*одна*) Пойтить скорей къ барышнѣ, надо успокоить сколько можно чувствительное и несчастное ея сердце, и приготовить ея постепѣнно къ ужасному удару, которой я должна ей нанѣсть.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клементина, Юлїя.

Юлїя.

Вы бѣжите отъ меня.

Клементина. (въ слезахъ.)

Ахъ! оставь меня. . . . Оставь меня.

Юлїя.

За столомъ всѣ примѣтили вашу горесть. . . . Подумайте, что скажутъ объ васъ.

Клементина.

Пусть говорятъ и думаютъ, что хотятъ. . . Терзаютъ сердце мое. . . . . И мнѣ не плакать!

Юлїя.

Не умертвите себя отъ такой печали.

Клементина. (горестно восклицаетъ.)

Пусть я умру! . . . . Ахъ! пусть умру.

Юлїя.

Соблюдайте жизнь свою для тѣхъ, которые васъ любятъ; живите для Юлїи, которой вы такъ дороги, которая имѣла попеченїе о вашемъ младенчествѣ, которая любила васъ, какъ дочь свою и которая не отречется пожертвовать вамъ своею жизнїю. . . . Не вы ли сами почтили меня нѣжнымъ именемъ матери съ тѣхъ поръ, какъ смерть у васъ ея похитила? . . . Клементина! такая ли мнѣ награда за всѣ попеченїя мои? На что доводить меня до отчаянїя?

Клементина. (съ нѣжностїю обнимая ея.)

Другъ мой! нѣжнѣйшїй другъ! (*тихимъ и робкимъ голосомъ*) Его за ужиномъ не было? Не знаешь ли ты, гдѣ онъ теперь?

Юлїя.

Нѣтъ.

Клементина.

Говорила ли ты съ нимъ, Юлїя?

(Всѣ сїи вопросы произносимы такимъ голосомъ, какъ бы боялась она узнать то, о чемъ такъ спрашиваетъ.)

Юлїя.

Я говорила.

Клементина.

Онъ не сказалъ тебѣ куда поѣхалъ?

Юлїя.

О объ этомъ его не спросила.

Клементина.

Можетъ быть онъ еще и не уѣхалъ?

Юлїя.

Я не думаю.

Клементина. (по нѣкоторомъ молчанїи, во время котораго смотритъ пристально на Юлїю, съ величайшимъ отчаянїемъ вскрикиваетъ.)

Ахъ! Юлїя! я его болѣе не увижу!

(Она кидается въ объятїи Юлїи, которая нѣжно ея обнимаетъ.)

Юлїя.

Ахъ! сударыня.

Клементина. (разсудокъ ея начинаетъ приходить въ заблужденїе.)

Хотятъ, чтобъ я вышла за Франваля . . . онъ завтра прїѣдетъ ; чрезъ три дни станутъ требоватъ отъ меня, чтобъ я предстала съ нимъ къ олтарю! . . .

Юлїя.

На это должно рѣшиться.

Клементина. (пронзительно.)

Никогда! никогда! . . . . Я внѣ себя! (*гораздо тише*) но Дезормъ меня уговаривалъ ... добродѣтель имѣетъ великую силу надъ добродѣтельною душею! . . . . Я ничемъ не могу себя упрекать (*нѣсколько помолчавъ, кладетъ на сердце руку и говоритъ съ самымъ мрачнымъ видомъ*) Я не знаю, что происходитъ теперь въ моемъ сердцѣ. . . . . Каждая минута сугубитъ мои мученія.

Юлія.

Успокойтесь, Клементина, дайте волю разсудку.

Клементина. (встаетъ и говоритъ крѣпко и твердо.)

За чѣмъ пріѣдетъ этотъ господинъ Франваль? Кто далъ ему волю требовать руки моей? Онъ не можетъ извиниться любовію;

я

я его не знаю, онъ никогда меня и не видывалъ. Какое право имѣетъ онъ на мою нѣжность? Развѣ ему нѣтъ нужды въ моемъ согласіи? Не ужли онъ находитъ для себя безчеловѣчное удовольствіе въ томъ, чтобъ утѣснять слабое твореніе, которое въ защиту себѣ ничего не имѣетъ, кромѣ слезъ и стенаній? Почто терзать то сердце, которое не можно умягчить! Почто влечь къ олтарю несчастную, которая свидѣтельствуется всею природою, и вопіетъ къ небу о насильственномъ съ нею поступкѣ? Развѣ женщина есть такая жертва, которую безъ всякой жалости губить можно? Развѣ мужчины благополучіе наше вмѣняютъ ни вочто? Развѣ мы рабы, а они наши тираны!

Юлія.

Сынъ г. Франваля, конечно не употребитъ во зло власти вашего роди-

родителя, есть великодушныя мужчины, онъ, можетъ быть, изъ числа таковыхъ.

Клементина. (успокоясь нѣсколько.)

Ахъ! . . . . я начинаю ласкать себя, что онъ сжалиться надъ моимъ отчаянїемъ, и уговоритъ батюшку оставить, или по крайней мѣрѣ отсрочить на нѣсколько времени этотъ бракъ, объ которомъ помысливъ, я въ трепетъ прихожу. Братъ мой сказывалъ мнѣ теперь, что онъ съ нимъ очень друженъ. . . . И что онъ издѣтска знакомъ ему. . . . . . Вальвиль не зналъ, что назначаютъ меня для его друга! Онъ бы вѣрно по власти, которую надъ нимъ имѣть долженъ, отвратилъ его отъ сего брака. . . . Вальвиль мнѣ будетъ полезенъ; я стану упрашивать и заклинать его, чтобъ онъ привелъ

въ

въ жалость г. Франваля объ несчастной моей участи. . . . . .
Братъ мой остался еще за столомъ?

Юлія.

Онъ еще за столомъ, и показался мнѣ очень печаленъ.

Клементина.

Родитель нашъ очень строгъ. . . . . Не смотря на доброту сердца и любовь къ намъ, гнѣвъ иногда доводитъ его до крайности . . . . Тогда онъ ужасенъ. . . . . . Онъ вкоренилъ въ насъ болѣе страха, нежели довѣренности къ себѣ. . . . . . Ахъ! естьлибъ сжалился онъ надъ своею дочерью, естьлибъ слезы мои могли умягчить его, ябъ не была въ такомъ состояніи? Это состояніе ужасно! . . . Я получила отъ при-

природы свойство наклонное къ задумчивости; родясь къ несчастїю съ сердцемъ чрезмѣрно чувствительнымъ, я не могу истреблять полученныхъ мною впечатлѣнїй. Ты знаешь меня Юлїя; тебѣ извѣстно, могу ли я перемѣняться и сродно ли мнѣ смотрѣть безпристрастно на то, что было предметомъ нѣжнѣйшей моей привязанности. Помысли послѣ того, какъ забыть мнѣ Дезорма, и полюбить другаго. Можно ли мнѣ вступить въ священныя обязательства тогда, какъ пылаю я такою страстїю, которая должна вмѣниться мнѣ въ преступленїе?

Юлїя.

Вы справедливо разсуждаете; но вамъ также извѣстна важность обязанностей, которыя налагаетъ на васъ имя дочери и супруги. . . . Видно, встали изъ

застола . . . . кто то идетЪ сюда.

Клементина. (сЪ ужасомЪ.) Ето отецЪ мой. . . . Я слышу его голосЪ . . . . я . . . . содрагаюсь. . . . ОнЪ никогда для меня такЪ страшенЪ не былЪ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клементина, Юлїя, г. СирванЪ, г. Франваль.

СирванЪ.

Не видалЪ ли кто господина Дезорма? . . . . Куда онЪ дѣвался?

Юлїя.

Я не знаю, сударь.

СирванЪ. (г. Франвалю.)

Это мой управитель. . . . Нонишней вечерЪ вамЪ вѣрно не нужны деньги . . . . завтра по утру вы получите требуемую

сумму отъ Дезорма; я надѣюсь, что къ нему принесли уже нѣкоторую часть нонче.

Франваль.

Нѣтъ нужды спѣшить, пожалуйте не безпокойтесь, любезной другъ, завтра, или нынѣ, для меня все равно. Я крайне желаю переселиться къ вамъ въ сосѣдство, и купить это помѣстье, которое недалеко отсюда продаютъ. Отсрочка нѣсколькихъ дней не сдѣлаетъ никакой розницы. (*приближась къ Клементинѣ*) Мнѣ кажется, сударыня, что вы недомогаете.

Сирванъ.

Это ни чего. Это такъ. Клементина, поди въ свою комнату.

Франваль.

Она так привлекательна, что съ перваго взгляда заставляетъ любить себя.

(Клементина смотритъ на г. Франваля съ смущеннымъ видомъ дѣлаетъ движенїе, которымъ означается безпорядокъ ея мыслей; приходитъ въ себя, приближается къ отцу, беретъ у него скоро руку, целуетъ ея, взглядываетъ на него, вздыхаетъ и удаляется съ Юлїею.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Сирванъ, и Франваль.

Франваль.

Вы правду говорили любезной другъ, что Клементина прелестна; сынъ мой тихъ, въ немъ много есть добраго, онъ конечно сдѣлаетъ счастливою дочь вашу, я увѣренъ, что они будутъ благополучны.

Сирванъ.

Перемѣна састоянїя ея устрашаетъ: но Франваль такъ любезенъ, что истребитъ въ ней эти пустыя страхи.

Франваль.

Я ласкаюсь, что онъ ей понравится. Ему надлежало ѣхать къ Министру для изъявленія своей благодарности, и какъ онъ ни старался, мы не могли на дорогѣ съ нимъ съѣхаться, чтобъ вмѣстѣ сюда прибыть.

Сирванъ.

Завтра я надѣюсь имѣть удовольствїе его у себя видѣть; однакожъ вы отъ дороги утрудились, поступайте здѣсь по своей волѣ. ваша комната, ложитесь почивать.

Франваль.

Когда вы позволяете, я пойду.

Сирванъ.

Вотъ здѣсь, подите за мною.

ЯВЛЕНІЕ. IV.

Сирванъ, франваль, Вальвиль, Германъ.

Сирванъ.

Германъ, возми свѣчи. (*Вальвилю*) По утру въ пять часовъ поѣзжай съ Германомъ . . . только пожалуй не проспи.

Вальвиль.

Я съ охотою, батюшка, исполню Ваше повелѣніе.

Сирванъ. (Франвалю.)

Изволь итьти любезной другъ.

франваль. (Вальвилю.)

Желаю вамъ спокойной ночи. (*оба выходятъ.*)

(Вальвиль кланяется и остается одинъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Вальвиль. (одинъ)

(Прохаживается нѣсколько времени въ молчаніи и имѣетъ смущенной видъ.)

Я ни чего не могъ сыскать. . . . Нѣтъ никакого способа . . . . при всемъ томъ отговориться нельзя, дано честное слово. . . . По какому бѣдственному случаю, не имѣя ни малой склонности къ игрѣ вступилъ я въ это? . . . . Праздность . . . . непорядочныя знакомства. . . . Ахъ! мы всегда властны удержать себя при началахъ порока; но когда сдѣланъ къ оному одинъ лишь шагъ, то уже влечетъ насъ за собою, порабощаетъ и недопускаетъ обратиться. . . . Естьли я избавлюсь этой бѣды, то никогда, никогда не впаду въ такую погрѣшность. . . . Завтрч надлѣжитъ отправиться въ путь! . . . Боже мой, что дѣлать? Гдѣ помощи искать!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вальвиль, Германъ.

Германъ. (входя со свѣчью.)

Вы еще здѣсь?

Вальвиль. (въ чрезмѣрномъ смущеніи.)

Да, я здѣсь.

Германъ.

Что вы не ложитесь почивать? Завтра вамъ въ пять часовъ должно ѣхать.

Вальвиль. (прохаживаясь съ безпокойствомъ.)

Я это и безъ тебя знаю.

Германъ. (посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.)

Что вамъ здѣлалось?

Вальвиль.

Ничего.

Германъ. (смотря на него безпокойными глазами.)

Ничего. . . . . Какъ ничего! . . . . . вы никогда не бывали такъ печальны. . . . . . Я примѣтилъ, что и за столомъ совсѣмъ не кушали. . . . . У васъ есть что нибудь, чего вы мнѣ сказать не хотите.

Вальвиль.

Я тебѣ говорю, ничего. . . . . Я спокоенъ. . . (*прохаживаясь въ весьма смущенномъ видѣ, и говоря самъ себѣ*) При каждой минутѣ усугубляется мое безпокойство! надобно сдержать свое слово, въ противномъ случаѣ, это меня обезчеститъ.

Германъ. (поставивъ тотчасъ свѣчу на столъ и подошедъ къ своему господину.)

Васъ обезчеститъ! скажите мнѣ, что такое?

Вальвиль. (помолчавъ, глядитъ на Германа оказывая желанїе ему сказать и опасаясь; беретъ у него руку и съ тяжкимъ вздохомъ произноситъ.)

Другъ мой! . . .

Германъ.

Что такое!

Вальвиль.

Я въ ужасномъ положенїи. . . .

Германъ.

Ахъ! сударь! вы меня въ трепетъ приводите. Что съ вами сдѣлалось? Не бились ли вы съ кѣмъ? или вызываютъ васъ на поединокъ? скажите, скажите.

Вальвиль.

Я игралъ . . . . и проигрался.

Германъ.

Сколько вы проиграли?

Вальвилль.

Тысячу луидоровъ.

Германъ.

Возможно ли!

Вальвилль.

Со мною было только сто, остальные проиграны на слово.

Германъ.

Гдѣ вы ихъ возмете?

Вальвилль.

Я не знаю.

Германъ.

Тысяча луидоровъ! Ахъ естьли узнаетъ объ этомъ вашъ батюшка! . . .

Вальвилль.

Сохрани Боже! Германъ не измѣни мнѣ. Ты знаешь каковъ мой батюшка.

Германъ.

Я конечно умолчу объ этомъ. . . . . . Онъ считаетъ игру за самую вредную страсть. . . . Онъ вамъ не проститъ никогда. . . . . . Но какъ вы могли вступить въ такую большую игру, не имѣя у себя ничего и завися отъ такого строгаго отца, которой не прощаетъ юношамъ никакимъ проступковъ?

Вальвиль.

Я началъ играть небольшими деньгами . . . . чемъ я больше проигрывалъ, тѣмъ болѣе упорствовалъ преклонить счастїе на свою сторону; желая отыграться, я разстроилъ себя до такой крайности. . . . Вотъ отъ чего это случилось.

Германъ.

И вы дали честное слово? . . .

Вальвилль.

Я не могу его нарушить, не обезчестивъ себя.

Германъ.

Кому вы проиграли?

Вальвилль.

Одному иностранному Офицеру, которой по утру въ четыре часа отѣзжаетъ, и я обѣщалъ въ три часа доставить деньги въ домъ къ нему.

Германъ.

Не можно ли упросить отсрочки?

Вальвилль.

Какъ требовать этаго отъ иностранца, котораго, можетъ быть, я никогда не увижу!

Германъ.

Но гдѣ найти такую сумму? . . . У меня есть сто луидоровъ,

кото-

которые составляютЪ все мое имущество, я вамЪ сЪ охотою ихЪ предлагаю.

Вальвилль.

АхЪ! другЪ мой . . . но этаго мало. . . .

ГерманЪ.

Конечно мало.

Вальвилль.

КакЪ мнѣ быть!

ГерманЪ.

Я не нахожу инаго способа. . . . . Выдержите эту бурю; батюшка вашЪ еще не заснулЪ, войдите кЪ нему и признайтесь вовсемЪ.

Вальвилль. (сЪ величайшею живостїю.)

О небо! сказать батюшкѣ. . . . по чему знать до какой крайности доведетЪ его ярость.

Гер-

Германъ.

Чтожъ дѣлать?

Вальвилль.

Знавши батюшкинъ нравъ, можешь ли ты мнѣ совѣтовать это? . . . . . Въ первомъ стремленіи гнѣва своего онъ дойдетъ до крайности. . . . . Нѣтъ, нѣтъ я и помыслить ужасаюсь.

Германъ.

Сколько я ни разсуждаю, не могу придумать, какъ вамъ выпутать себя изъ этаго дѣла.

Вальвилль. (удрученнъ будучи отчаяніемъ, говоритъ прерывающимся голосомъ. Вся сцена сія, которая происходитъ на той сторонѣ, гдѣ Франвалева комната, говорится въ полголоса, а когда Актеры принуждены возвышать голосъ, то нужно чтобъ имѣли они на себѣ пужливый видъ, будто боятся, чтобъ не услышали ихъ изъ ближайшей комнаты.)

Боже

Боже мой! въ какомъ я жалостномъ состоянiи! проступокъ мой жестоко наказывается.

(Проговоривъ сiе, онъ бросается въ кресла стоявшiе противъ Дезормова стола; рука его нечувствительно касается ключей; онъ осматриваетъ ихъ, открываетъ ящикъ, которой былъ только что задвинутъ; видитъ съ деньгами мѣшки, съ жадностiю ихъ осматриваетъ, поспѣшно задвигаетъ ящикъ, удаляется отъ онаго, потомъ опять приходитъ; и послѣ нѣкотораго выразительнаго колебанiя, говоритъ Герману, которой во все то время кажется погруженнымъ въ размышленiи.)

Германъ! . . . . могу ли я на тебя надѣяться?

Германъ.

Не ужли вы сумнѣваетесь. . . .

Вальвиль.

Нѣтъ мой другъ, я въ тебѣ увѣренъ. . . . . Но дай мнѣ слово; что ты никому не скажешь, что я буду говорить тебѣ.

Гер-

Германъ.

Извольте . . . . я обѣщаюсь.

Вальвиль.

Слушай. . . . . Я страшусь вымолвить. . . . . Въ этомъ комодѣ есть! . . . .

Германъ. (отступая назадъ отъ ужаса, при семъ единомъ словѣ.)

Ахъ, сударь!

Вальвиль. (съ величайшею живостїю.)

Не осуждай меня, а выслушай. . . . . Батюшка никогда почти не ходитъ въ этотъ комодъ, а Дезормъ работаетъ только по вечерамъ; . . . . я отнесу долгъ мой офицеру; мы послѣ того тотъ же часъ поѣдимъ на встрѣчу Франвалю; я разскажу ему всѣ обстоятельства своего дѣла. . . . . Онъ получилъ по смерти матери своей

богатое наслѣдство. ОтецЪ его сказывалЪ, что желая здѣсь основать свое жилище, покупаетЪ вЪ сосѣдствѣ помѣстье, и по этому думать надо, что сЪ нимЪ непремѣнно есть деньги. ОнЪ мнѣ другЪ, и не откажетЪ помочь вЪ такой ужасной для меня крайности; я увѣренЪ, что онЪ ссудитЪ меня такою суммою, которая мнѣ нужна; я опять ея положу, откуда взялЪ; завтра послѣ обѣда она будетЪ вЪ своемЪ мѣстѣ, а между тѣмЪ никому и вЪ голову не придетЪ, что она вынята.

ГерманЪ.

НѣтЪ сударь, я на это никакЪ не соглашусь. . . . . КакЪ нестыдитесь вы думать о такой подлости!

Вальвиль.

Крайность моя . . . . и батюшкина строгость меня оправдываютЪ.

Гер-

Германъ.

Ничто, сударь, ничто не въ состоянїи васъ оправдать. Вы напрасно обѣщались . . . честной человѣкъ никогда не даетъ своего слова, когда не можетъ онаго исполнить; вы очень худо сдѣлали, очень худо.

Вальвиль.

Ты правду говоришь, но помочь этому уже поздно.

Германъ.

Дѣлайте что хотите, а я пойду отсюда, я не хочу быть соучастникомъ. . . . . . Я хотя и слуга, но желаю на вѣкъ остаться честнымъ.

(Хочетъ выттить вонъ.)

Вальвиль. (останавливая его.)

Германъ! другъ мой, непокидай меня.

Германъ.

Нѣтъ, сударь, какъ изволите, воля ваша, только я не допущу васъ. . . . Сей же часъ увѣдомлю вашего батюшку.

Вальвиль. (съ величайшею горестію.)

Германъ! . . . не доведи меня до отчаянія. Бойся, я на все рѣшусь.

Германъ.

Умертви меня! . . . Это легко можно сдѣлать. . . . Убивай; но не понуждай къ злодѣянію!

Вальвиль.

Когда ты предашь меня. . . . Не думай, чтобъ я лишилъ тебя жизни . . . я не такое чудовище; но я погибшій и отчаянной человѣкъ. . . . Есть ли ты скажешь отцу моему! Ахъ! Боже мой! . . . . Страшись тогда! я

не отвѣчаю за себя . . . . я рѣшусь. . . . . Ты будешь причиною моей смерти.

Германъ. (съ величайшимъ содраганїемъ.)

Ахъ! Боже мой! . . . . Возможно ли . . . . что вы это говорите!

Вальвиль.

Время проходитъ. . . . Теперь глухая полночь, въ твоей власти и погубить и спасти меня.

Германъ.

Припадаю къ ногамъ вашимъ. . . . Любезной господинъ! дражайшїй Вальвиль! ради попеченїй моихъ, которыя имѣлъ я объ юности твоей сжалься самъ надъ собою. . . . . Вы погибаете, вы на вѣкъ себя обезславливаете!

Вальвиль. (отступаетъ, чтобъ выпти вонъ.)

Ты на это не соглашаешся?

Гер-

Германъ. (возвыся голосъ, стоя на коленяхъ и удерживая Вальвиля.)

Любезной господинъ! . . . .

Вальвиль.

Молчи . . . . молчи . . . . крикомъ своимъ ты предускоришь моею гибелью.

Германъ. (не вставая и удерживая Вальвила, отъ него вырывающагося и хотящаго выттить.)

Вальвиль! дражайшїй Вальвиль!

Вальвиль. (вырываясь изъ Германовыхъ рукъ.)

Пусти меня . . .

Германъ.

Куда вы бѣжите!

Вальвиль. (сдѣлавъ последнее усилїе вырывается изъ Германовыхъ рукъ.)

Смертїю избавить себя отъ предстоящаго мнѣ бѣдствїя.

Германъ. (кидается опять на Вальвиля и обхвативъ его, томнымъ голосомъ говоритъ.)

Ахъ! Боже мой! . . . изволь, что надо дѣлать? . . . . Ты гибнешь . . . . и меня губишь.

Вальвиль.

О другъ мой! я вовлекаю тебя съ собою въ пропасть. . . . . Но несчастїе . . . крайность . . . (*онъ тащитъ его съ собою къ столу.*)

Германъ. (противясь ему.)

Какъ бьется сердце мое! . . . . Ахъ, сударь, что мы дѣлаемъ?

Вальвиль. (принявшись за ключь и хотя открыть, останавливается.)

О бѣдственныя слѣдствїя перваго проступка!

(отдвигаетъ ящикъ, и нѣсколько отступаетъ, закрывая себѣ лице руками.)

Гер-

Германъ. (отступая назадъ увидя открытой ящикъ.)

Онъ открытъ! . . . . (*одною рукою держитъ свечу, другою останавливаетъ своего господина*) не берите ничего . . . . . не берите. . . .

Вальвиль. (зажимая ему ротъ.)

Молчи . . . . молчи . . . говорю.

Германъ. (останавливая Вальвиля.)

Ахъ я пропалъ! . . . .

Вальвиль. (опирается на столъ дрожитъ, следнѣетъ и прерывающимся голоосомъ говоритъ.)

У меня духъ захватываетъ. . . . Состоянїе мое по крайне мѣрѣ также ужасно, какъ и твое. . . .

Германъ. (упадая въ кресла близъ стоящїе.)

Ахъ! . . . Когда толь трудно приступать къ злодѣянїю, то какъ могутъ быть злодѣй?

Вальвиль. (укладываетъ ему на руку нѣсколько мѣшковъ, и самъ беретъ. По открытїи другаго ящика, гдѣ находятся сверпики съ золотыми, ихъ также вынимаетъ и запираетъ ящикъ не вынувъ ключа.)

Тутъ столько будетъ, сколько для меня нужно . . . . Уйдемъ . . . . уйдемъ отсюда поскорей. . . . . Я исполню теперь данное мною слово. Завтра утромъ по милости Франваля все это будетъ заглаждено. . . . . Кромѣ стыда моего въ преступленїи, которое хотя и никому не свѣдомо, но вѣчно удручать будетъ мою совѣсть.

(Крадучись уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Въ продолженіи междодѣйствія разсвѣло.)

Юлія, Клементина.

Юлія.

Какъ это! неужли я не могу убѣдить васъ своею дружбою? Цѣлая ночь протекла въ слезахъ и день насталъ; а вы съ упорствомъ отвергаете нѣжныя мои о васъ попеченія; тщетно привожу вамъ на память то, чѣмъ вы должны своему родителю и самой себѣ. . . .

Клементина.

(Сидитъ, имѣя въ рукахъ Дезормово письмо, все огорченіе ея обнаружено.)

Я его болѣе неувижу! . . .

Юлія.

Ахъ! начто я отдала вамъ это письмо?

Клементина. (самымъ мрачнымъ видомъ)

И такъ, увы! . . . . все свершилось надо мной!

Юлїя.

Войдите въ свою комнату . . . . сдѣсь всѣ примѣтить могутъ ужасное разстройство души вашей? . . . .

Клементина. (продолжаетъ говоритъ стесненнымъ голосомъ.)

Это письмо мнѣ приговоръ къ смерти. . . . . Онъ на вѣки со мной прощается, я не переживу. . . . .

Юлїя.

Теперь такое время, въ которое батюшка вашъ долженъ навѣстить господина Франваля . . . . ему надо проходить чрезъ эту комнату . . . . что скажетъ онъ, суда-

сударыня, когда увидитЪ васЪ вЪ такомЪ состоянїи? . . . . г. СирванЪ тотчасЪ придетЪ.

Клементина. (повергаетъся вЪ обЪятїи Юлїи.)

О нѣжнѣйшїй мой другЪ! ты одна у меня осталась, кромѣ тебя я никого не имѣю. ДезормЪ на вѣкЪ удалился отЪ меня. . . . Родитель мой меня отвергаетЪ . . . . всѣ сердца, кромѣ твоего, Юлїя, чужды для меня. . . . . Я кЪ тебѣ прибѣгаю . . . . ахЪ! сжалься, не будь безчеловѣчна, раздѣли со мною огорченїе мое. Мнѣ недолго терпѣть остается. Недолго взоры твои будутЪ обременяться зрѣнїемЪ моего злополучїя, ... когда ты меня покинешь, то при комЪ я испущу послѣднѣе мое дыханїе? . . . . КтоЪ закроитЪ глаза мои? . . . Юлїя! . . . Юлїя! . . .

Юлїя. (съ нѣжнѣйшимъ состраданїемъ.)

Какъ! чтобъ я васъ покинула? Чтобъ я не приняла участїя въ вашей горести! кому вы это говорите? . . . . Отчаянїе овладѣло вашимъ сердцемъ? . . . Не ужели основательныя ваши правила, разсужденїя и власть, которую вы всегда надъ собою имѣли, не могутъ поколебать безразсудной страсти? Одумайтесь, сударыня! непреодолимыя препоны разлучаютъ васъ съ Дезормомъ, и вы никогда не увидите другъ друга.

Клементина.

Никогда!

Юлїя.

Помыслите и о томъ, что другой скоро будетъ имѣть право обвинять васъ въ постыдныхъ къ нему чувствованїяхъ.

Клемен-

Клементина.

Я вижу, какая судьба мнѣ предоставлена. . . . Но мой выборъ таковъ, что я не могу имѣть зазрѣнія въ своей страсти, и не въ силахъ оную преодолѣть.

Юлія.

Кто-то идетъ . . . . . это г. Сирванъ! ахъ! какъ можно скройте предъ нимъ свои слезы.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клементина, Юлія, Сирванъ, Лудовикъ.

Сирванъ.

Вручить мнѣ ключь отъ кладовой . . . . безъ всякой причины, безъ всякаго объясненія! . . . . это очень странно! . . . . Такъ его цѣлую ночь не было дома?

Лудо-

Людовикъ.

Со вчерашняго вечера его никто не видалъ.

Клементина. (тихо Юліи.)

Это о Дезормѣ говорятъ.

Юлія. (тихо Клементинѣ.)

Ободрите себя!

Сирванъ.

Непонимаю . . . . . покрайней мѣрѣ онъ бы долженъ былъ сказаться мнѣ, что ѣдетъ въ деревню . . . . . индѣ ему быть не льзя.

Людовикъ.

Объ немъ никто не знаетъ

Сирванъ.

Но гдѣ деньги, которые онъ получилъ вчера?

Лудовикъ.

Онъ вѣрно положилъ ихъ въ этотъ комодъ, на которомъ онъ писалъ тогда, какъ ему откупщики ихъ принесли. Я не знаю, что сдѣлалось съ г. Дезормомъ; только онъ вчерашній вечеръ былъ очень грустенъ; и чрезмѣрно задумывался; я видѣлъ его въ такомъ состояніи, что описать вамъ не могу.

Сирванъ.

Я и самъ съ нѣкотораго времени въ немъ примѣтилъ нѣчто странное. . . . . Рано ли сынъ мой выѣхалъ?

Лудовикъ.

Онъ выѣхалъ еще прежде четырехъ часовъ съ Германомъ.

Сирванъ.

Не знаешь ли ты, проснулся ли г. Франваль?

Лудовикъ.

Проснулся.

Сирванъ.

Я пойду къ нему.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Карлъ.

Карлъ.

Г. Дезормъ уѣхалъ.

Сирванъ.

Какъ это!

Клементина. (тихо Юліи, которая даетъ ей знакъ, чтобъ она себя воздерживала.)

Ахъ! для чего я здѣсь?

Карлъ.

Точно уѣхалъ, и я его видѣлъ.

Клементина. (тихо Юліи.)

Онъ его видѣлъ!

Карлъ.

Онъ съ тѣмъ поѣхалъ, чтобъ назадъ уже не возвращаться, я слышалъ, отъ него изустно.

Сирванъ.

Это быть не можетъ . . . . . уѣхать не сказавши! . . . . . Все его вещи остались здѣсь?

Лудовикъ.

Такъ, сударь, все осталось въ его комнатѣ.

Карлъ.

Я вамъ докладываю, что возвращаясь изъ города, я его сей же часъ видѣлъ, куда заѣзжалъ онъ проститься съ своимъ другомъ. Онъ былъ въ такой горести, и въ такомъ безпорядкѣ, что я едва могъ его разпознать.

Клементина. (поддерживаясь объ Юлїю.)

Ахъ!

Карлъ.

Примѣтивъ это, я былъ крайне удивленъ, и притаился въ такое мѣсто, откуда могъ все слышать, не будучи видимъ. Другъ его говорилъ ему: „ Но чего ради боишь„ся ты, чтобъ тебя не узнали? „ чрезъ одиннатцать лѣтъ черты „ лица твоего такъ перемѣнились, „ что тебя и самъ отецъ твой „ не распознаетъ Чтожъ касает„ся до другихъ причинъ, кото„рыя побуждаютъ тебя бѣжать, „ то принятыя тобою мѣры, „ дѣлаютъ тебя съ этой сторо„ны безопаснымъ. Пожалуй „ останься, почему знать, что „ случиться можетъ . . . . . „ Нѣтъ, другъ мой, перервалъ рѣчь „ его Дезормъ, мнѣ должно изба„виться отъ опасности. . . . Бѣд„ствія меня окружаютъ . . . про„щай, они никогда меня не уви„дятъ. Тебѣ не можно знать,

„ до

„ до какой степени я долженъ пре-
„ одолѣвать себя. . . . . Единой
„ взглядъ, единое слово могутъ
„ погубить меня. „ Сказавъ сїе, онъ обнялъ своего друга, сѣлъ на лошадь, и пропалъ изъ глазъ моихъ.

Клементина, въ полголоса.

Ахъ Юлїя! я внѣ себя.

Сирванъ.

Что это значитъ? Честному человѣку такъ поступать не годится. . . . На что бѣжать и скрываться? . . . (*осматриваетъ камодъ*) Дай Богъ, чтобъ подозрѣнїя мои остались несправедливы! (*подходитъ къ камоду, открываетъ его и говоритъ:*) Ахъ онъ обокралъ меня! несчастной!

(Клементина упадаетъ въ кресла, и остается въ такомъ положенїи, какъ бы углубилась въ размышленїе.)

 Карлъ.

Карлъ.

Надо скакать за нимъ въ погоню; ни минуты мѣшкать недолжно. . . . . Сей же часъ побѣжимъ всѣ. . . .

Сирванъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Оставте этаго подлеца искать въ другомъ мѣстѣ наказанїя, которое заслуживаетъ онъ за свою гнусность; я соглашаюсь снести эту потерю и не хочу предать его публичной казни . . . . . . Когда нибудь онъ попадется, пусть кто хочетъ ему отмщаетъ . . . . (*дочери своей*) Подумай, этотъ человѣкъ, котораго почитали мы самымъ добродѣтельнымъ, котораго я любилъ и полагался во всемъ. . . .

Клементина. (сидитъ опустя голову и проливаетъ слезы про себя, неимѣя никакого вниманїя на то, что около ея происходитъ.)

Нѣтъ, его не знаютъ. . . . Клевета сїя обратиться на главу злобныхъ его обвинителей . . . . пойду къ своему батюшкѣ. . . .

Сирванъ.

Что она говоритъ?

Клементина, не перемѣняя положенїя своего.

Истинна такъ убѣдительна. . . .

Сирванъ, смотря на нее съ удивленїемъ и подошедъ къ ней.

Клементина!

Клементина, оборатясь поспѣшно, и какъ бы удивясь отъ нечаянности.

Ахъ! родитель мой! это вы . . . вы конечно не подозрѣваете

 Де-

Дезорма, вы не вините его, я вижу это изъ глазъ вашихъ. Приписываемое ему злодѣянїе есть самое подлѣйшее изъ всѣхъ. . . . Онъ несроденъ къ такой гнусности. Не вѣрте этому ложному обвиненїю. . . . Мы оба достойны вашего уваженїя; никто столько не заслуживаетъ быть почитаемъ, какъ онъ. . . . . И я клянусь у ногъ вашихъ.

Сирванъ.

Въ какомъ помѣшательствѣ! . .

Клементина, въ безпамятствѣ своемъ отдаетъ отцу Дезормово письмо.

Вотъ письмо, которое онъ писалъ; прочтите . . . . это такой добродѣтельной человѣкъ, что я не стыжусь. . . .

Сирванъ.

Что это за бумага?

Юлїя.

Юлïя.

О небо!

Клементина, нѣсколько опомнившись, хочетъ взять письмо.

Родитель мой!

(Во все то время, какъ г. Сирванъ читаетъ письмо, она передъ нимъ на коленяхъ, а Юлïя ее поддерживаетъ.)

Сирванъ.

Боже мой! что я вижу! (*читаетъ*) „ Я на всегда отъ васъ „ удаляюсь, долгъ требуетъ, „ чтобъ я это исполнилъ, дра- „ жайшая Клементина! (*бросаетъ* „ *на дочь свою свирѣпый взоръ*) „ прощай на вѣки; забудь меня; „ съ симъ сопряжено твое благо- „ получïе. . . . . . (*Прерываетъ чтенïе и говоритъ задыхающимся голосомъ*) ты могла надѣется быть благополучною, но послѣ такой подлости. . . . . „ Образъ

 „ твой

,, твой повсюду за мной будетъ ,, слѣдовать. Сей обожаемый зракъ ,, заставитъ меня сохранять ,, жизнь, которая для тебя была ,, любезна. . . . . Я буду любить ,, тебя по смерть мою . . . . она ,, недалеко отстоитъ. (*Говоритъ*) нѣтъ, теперь ужъ нѣтъ . . . ,, Вы ,, меня любите, и я васъ лишаюсь; ,, сердце мое содрагается ; слезы ,, орошаютъ сїю бумагу . . . ,, прощай дражайшая Клементина, ,, прощай. (*Онъ отступаетъ, а Клементина, стоя предъ нимъ на коленяхъ, упадаетъ назадъ къ Юлїи. Слуги въ удаленїи, и когда г. Сирванъ читаетъ письмо, то предполагать должно, что они не слышатъ; онъ возвышаетъ голосъ тогда только, какъ говоритъ про себя и кличетъ людей*) Карлъ! Лудовикъ! . . . . ступайте, бѣгите всѣ за злодѣемъ. . . . Живаго иль мертваго . . . . представте мнѣ непремѣнно. *ЯВЛЕ-*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клементина, Юлїя, Сирванъ.

Сирванъ.

Когдабъ я внималъ единой ярости своей . . . . тобъ надлежало мнѣ въ крови твоей омыть позоръ, которой ты нанесла отцу своему.

Клементина, стоя на коленяхъ и простирая къ нему свои руки.

Родитель мой!

Сирванъ.

Я не отецъ тебѣ! я не произвелъ на свѣтъ такой дочери, которая избрала для себя любовникомъ одного изъ тѣхъ презрѣнныхъ тварей, которымъ суждено нѣкогда въ безславїи погибнуть.

Клементина, вставъ съ поспѣшностїю и ходя въ безпамятствѣ.

Гдѣ онъ! гдѣ онъ! пусть явиться онъ, пусть оправдаетъ себя.

. . . . Я люблю его, онъ не можетъ сдѣлаться недостойнымъ меня.

Сирванъ. (яростнымъ голосомъ.)

Какъ! ты передо мною осмѣливаешся говорить? . . . .

Юлїя. (подбѣжавъ.)

Ахъ! сударь! она въ безпамятствѣ. . . . . Ради самаго Бога удержите гнѣвъ свой. . . .

Сирванъ. (упадая въ кресла)

Отчаянїе меня сражаетъ.

Клементина. (въ безпрерывномъ безпамятствѣ, говоритъ съ большимъ выраженїемъ.)

Онъ предстанетъ и оправдается. Я клянусь всѣмъ, что есть свято, о непорочности его сердца; нѣтъ, никогда добродѣтель не оби-

обитала въ такой честной душѣ. .... Я приведу его къ своему родителю. .... Такъ .... я приведу его ..... Жестокія! для чего вы меня удерживаете? Вы боитесь, чтобъ не дошелъ до него вопль погибшей его дочери, чтобъ онъ не почувствовалъ жалости, чтобъ не выслушалъ Дезорма, чтобъ не возвратилъ ему честь, которую вы стараетесь у него отнять. ..... Тщетно вы меня останавливаете, я найду своего родителя .... (*усматривая отца своего, вырывается изъ рукъ Юліи и бросается къ нему.*) Ахъ! Боже мой! я вижу васъ предъ собою .... это вы .... Безчеловѣчные! они не хотѣли меня къ вамъ допустить .... но теперь я ихъ не боюсь. .... Батюшка! избавь меня отъ этихъ варваровъ, которые покушаются на жизнь мою и на

честь Дезорма . . . Исполни священнѣйшую должность, будь защитникомъ невинности.

(Упадаетъ на грудь отца своего. Онъ ее не отвергаетъ, проливаетъ слезы и съ тихостїю передаетъ ее Юлїи.)

Сирванъ.

Ты раздираешь мое сердце!

ЯВЛЕНIЕ V.

Тѣжъ, и *Лудовикъ.*

Лудовикъ.

Ахъ, сударь! нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ съ четверть часа видѣли Дезорма, проѣзжающаго мимо здѣшняго замка.

Сирванъ.

Какъ, послѣ преступленїя своего онъ осмѣливается! . . .

Клементина, въ помѣшательствѣ.

Что говорятъ они? Что вы говорите?

Лудовикъ.

Карлъ со всѣми людьми побѣжали за нимъ въ слѣдъ, онъ отъ нихъ не уйдетъ.

Клементина.

Кто это?

Сирванъ, (Юлїя.)

Удали ее съ глазъ моихъ. . . . Втащи ее. . . . .

Клементина, противясь Юлїи, которая хочетъ ея вывесть.

Нѣтъ, ахъ! нѣтъ, я васъ понимаю . . . . теперь-то погибла я!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе, и Франваль.

Франваль.

Что такое случилось? Что за шумъ во всемъ домѣ?

Сирванъ. (яростно.)

Чудовище, злодѣй. . . . Дезормъ . . . . нарушилъ всѣ должности, всѣ права честности. . . . . Ни одинъ отецъ не былъ такъ жалости достоинъ . . . . . никто въ жизни не обманутъ такимъ ужаснымъ образомъ.

Клементина. (въ безпрерывномъ безпамятствѣ.)

Онъ невиненъ . . . . я невиновна.

Юлія. (Клементинѣ.)

Пойдемъ.

Клементина, противясь Юліи и обращаясь къ отцу своему.

Лиши меня жизни.

Сирванъ, кинувшись въ объятіи Франваля.

Не покидай меня; ты все узнаешь. . . .

Франваль.

Что такое?

Юлія.

О, Боже!

Клементина.

Безчеловѣчныя! . . . . Его погибель мнѣ смерть.

(Г. Франваль отводитъ г. Сирвана въ свой покой; а Лудовикъ съ Юліей втаскиваютъ Клементину въ ее комнату)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Франваль, Сирванъ.

Франваль.

Не предавайте его суду, пока вы не убѣждены будете въ его преступленіи . . . . подумайте какимъ угрызеніямъ совѣсти вы себя подвергаете.

Сирванъ.

Хотя все его обвиняетъ; но я васъ послушаюсь . . . . пусть докажетъ онъ свою невинность. . . . пусть избавится отъ смерти . . . . Но какъ оправдается онъ въ своемъ обольщеніи? . . . .

Франваль.

Вы сами говорите, что онъ былъ всегда честнымъ человѣкомъ, то какъ могъ вдругъ испортиться? Ахъ!

Ахъ! г. Сирванъ, мщенїе свое отсрочить можно; но когда оно произведено въ дѣйство, тогда уже нельзя возвратить. . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

Юлїя, Франваль, Сирванъ.

Юлїя, съ великимъ замешательствомъ.

Ахъ! сударь! Клементина! . . . . старанїя мои безплодны . . . . Ужаснѣйшее отчаянїе ею овладѣло. . . . . . Она въ такомъ безпамятствѣ, что никого не узнаетъ. . . . . Подите . . . . . подите къ ней. . . . Одно только ваше присудствїе можетъ привесть ее въ чувство.

Сирванъ.

Дочь моя! праведное небо! Ахъ другъ мой! . . . .

Франваль.

Я пойду за вами.

(Оба входятъ въ комнаты Клементины; въ самое то время слуги прибѣгаютъ толпою въ среднюю дверь. Они окружаютъ и тащатъ растрепаннаго Дезорма, платье на немъ изорвано; онъ въ ужасномъ состоянiи.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Карлъ, Лудовикъ, Дезормъ и слуга.

Карлъ.

Сюда . . . . сюда. . . . . Баринъ тотчасъ придетъ. . . . . Ведите его сюда.

Лудовикъ.

Онъ мнѣ жалокъ.

Дезормъ.

Пощадите меня.

Карлъ.

Ты негодной человѣкъ. . . . Ты недостоинъ никакой жалости.

Дезормъ.

Дезормъ. (Слуги даютъ ему волю. Онъ бросается въ кресла.)

Великїй Боже!

Лудовикъ, съ соболезнованїемъ.

Вы сударь! вы могли это сдѣлать!

Карлъ.

Никто этаго не ожидалъ.

Дезормъ, горестно.

Я едва съ духомъ собрался. . . . . . Я ничего до сихъ поръ не слыхалъ и ничего не видалъ. . . . Скажите мнѣ, друзья мои, что я вамъ сдѣлалъ?

Карлъ.

Что ты сдѣлалъ!

Дезормъ.

Зачто такъ безчеловѣчно поступать со мною!

Карлъ.

Смотри пожалуй, онъ же и спрашиваетъ.

Лудовикъ, прерывая Карла, въ полголоса.

Не говори, братъ, ни слова . . . дай ему притьти въ себя . . . это ужасно. Хотябъ онъ и виноватъ былъ; но онъ несчастливъ, надо жалѣть объ немъ.

Дезормъ.

Въ какомъ я состоянiи! какъ они со мною поступили! что я такое сдѣлалъ!

Лудовикъ.

Вы сдѣлали то, въ чѣмъ никто не могъ васъ подозрѣвать . . . . то, что каждой изъ насъ за стыдъ бы почелъ. . . . . Признайтесь, сударь, признайтесь, вы обличены. Запирательство ваше ни къ чему не послужитъ.

Де-

Дезормъ.

Ради самаго Бога, естьли есть въ васъ хотя мало человѣколюбїя, допустите меня къ г. Сирвану! Я человѣкъ, люди должны надо мною сжалиться. . . . На меня взводятъ какїя-то злодѣйства. . . . Я не только ихъ не знаю, но и понять не могу. . . . Я гибну въ ужасѣ о моей участи . . . . гдѣ г. Сирванъ?

Лудовикъ.

Онъ у дочери своей, которая теперь можетъ быть кончается на рукахъ его.

Дезормъ, вскричавъ отъ отчаянїя.

Увы! . . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сирванъ, Юлія, Дезормъ, Карлъ, Лудовикъ, слуги.

Сирванъ, выходя изъ Клементининой комнаты, говоритъ Юліи.

Оставь меня . . . . Я не могу выдержать такого позорища, это умерщвляетъ меня. . . . Возвратись къ ней, не покидай ее.

(Юлія выходитъ.)

Дезормъ, подбѣгая къ г. Сирвану.

Государь мой!

Сирванъ.

Чудовище! скажи мнѣ, что я тебѣ сдѣлалъ? За что ты поселилъ въ семействѣ моемъ отчаяніе и позоръ? Я не говорю уже о подлости, которою ты посрамилъ себя. . . .

Дезормъ. (съ величайшимъ удивленїемъ.)

Вы также! . . . . . и вы меня вините!

Сирванъ.

Не поносное злодѣйство твое меня раздражаетъ. О когда бы въ томъ только состояло все твое преступленїе! я бы простилъ тебя изъ презрѣнїя, я бы предоставилъ другимъ ненавистную должность, предать тебя достойной казни. . . .

Дезормъ, подымая руки къ небу.

Ахъ! Боже мой!

Сирванъ, продолжая съ такимъ же неистовствомъ.

Но ты похитилъ у меня дочь. . . . . Обольщенїя твои сдѣлали ея ко мнѣ ослушною. . . . Она отдала сердце свое гнуснѣйшему

предмѣту. . . . . Это лишитъ ее разсудка, а можетъ быть и самой жизни. . . . Вотъ чего я въ вѣкъ не прощу, и за что накажу тебя. Бесчастїе, мученїя и самая позорная казнь воздадутся тебѣ за отчаянїе, до котораго ты меня довелъ, за несчастїи, которыми ты меня удручилъ за незагладимую потерю, коей ты будешь виною, ... за все это ты заплатишь жизнїю.

Дезормъ. (въ изумленїи.)

Праведное небо!

Сирванъ.

Именуй соучастниковъ своего умысла. Кто тотъ человѣкъ, съ которымъ ты разговаривалъ прежде отъѣзда твоего? . . . . Кому ты здалъ украденное у меня, это воровство послужитъ предлогомъ моему мщенїю. Говори, необинуясь

ясь . . . . и умри злодѣй съ порицанїемъ, которое ты заслуживаешь.

Дезормъ. (приходя самъ въ себя, говоритъ съ величайшею твердостїю.)

Это преступленїе мнѣ не сродно. . . . . я не виненъ.

Сирванъ.

Ты не виненъ! . . .

Дезормъ.

Точно такъ . . . . . . Отнять жизнь у меня можно, но отъ того я не сдѣлаюсь виноватымъ. Дни преступника и честнаго человѣка равномѣрно зависятъ отъ людей; но добродѣтель уповаетъ на Бога; люди невластны. . . . Явите предо мной моихъ обвинителей . . . . чѣмъ они докажутъ? . . . . .

Сирванъ.

Все изследовано и по всему ты признанъ виноватымъ. Напрасно думалъ ты отвесть подозрѣнїе, оставивъ этотъ кабинетъ не запертымъ, и подкинувъ здѣсь ключь. . . . . Смущенной твой видъ, рѣчи твои, побѣгъ и мнимые предосторожности. . . . . Боже мой! сколько безсмысленности въ злодѣйскихъ покушенїяхъ! Тщетно ночь облекаетъ ихъ тьмою, они сами подаютъ ужасное свѣтило, которымъ озаряются ихъ преступленїя.

Дезормъ.

Сердце мое чисто и непорочно; я не устыжусь предъ лицемъ Создателя въ дѣянїяхъ моихъ. . . . Но естьли любовь моя къ Клементинѣ кажется вамъ преступленїемъ, естьли для заглажденїя того потребна жизнь моя, то

требуйте ее. . . . . . Я радостно ожидать буду смерти. . . . Давно уже бытіе мнѣ въ тягость . . . Но ахъ! я имѣю сродниковъ! . . . . Боже мой! у меня есть отецъ. . . . . Не предавай позорной казни его сына . . . . . я не виненъ. Обезчещенный родитель мой дойдетъ до гроба , проклиная несчастной мой прахъ.

Сирванъ.

Пусть онъ тебя клянетъ! извергъ! пусть мерзостно будетъ имя твое! . . . Я лишаюсь любезнѣйшей дочери . . . . отъ тебя я ее теряю. Я не переживу этаго, но не умру безъ отмщенія.

Дезормъ, ходя въ безпамятствѣ по театру.

Клементина! . . . О Боже мой! гдѣ она? Отведите къ ней меня, я умру у ногъ ее.

Сирванъ.

Чтобъ ты могъ показаться моей дочерѣ! удались варваръ. . . . Я проклинаю тотъ день, въ которой тебя увидѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, Клементина, Юлія, франваль.

Клементина. (съ растрепанными волосами, безъ румянъ, въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, вырывается съ усиліемъ изъ рукъ г. Франваля и Юліи)

Всѣ ваши сопротивленія безполезны, мы вмѣстѣ погибнемъ. (встрѣтившись съ отцемъ своимъ, говоритъ съ величайшею твердостію) Родитель мой! свершилъ ли ты свое мщеніе? . . . Есть еще жертва . . . карай . . . . и меня.

Си-

Сирванъ.

Жестокїе! за чѣмъ вы ея пустили, не уже ли и вы противъ меня возстали?

Дезормъ, съ горестнымъ воплемъ.

Клементина!

Клементина, осматриваясь.

Какой голосъ поразилъ слухъ мой! (*увидѣвъ Дезорма, вскрикиваетъ*) Ахъ! . . . это онъ (*упадаетъ на руки отцу своему.*)

Сирванъ, отталкивая Дезорма, которой хочетъ приближиться къ Клементинѣ.

Удались безчеловѣчной! . . . . . развѣ хочешь ты, чтобъ она умерла на рукахъ моихъ! . . . .

Франваль, береть Дезорма за руку и удаляетъ его.

Отойди. Пощади ихъ. Ты и такъ много имъ зла приключилъ.

Дезормъ. (пораженный симъ голосомъ оборачивается, внимательно осматриваетъ Франваля, восклицаетъ, и закрываетъ себѣ лице обѣими руками.)

Кто мнѣ говоритъ это? чего вы хотите? . . . . О Боже! это онъ!

Франваль.

Что онъ сказалъ? Чему онъ такъ удивился, меня увидѣвъ? . . .

Клементина, въ безпамятствѣ ходя по театру, говоритъ громко.

Нѣтъ, чтобъ кто ни говорилъ. . . . . Дезормъ не рожденъ быть преступникомъ. . . . Нестрашись ничего . . . . скажи, что ты

правъ;

правъ; небо преклонится къ вопїющей невинности. . . . . А вы! которыхъ жестокая судьба опредѣлила быть его судїями, выслушайте его. Непремѣнно должно выслушать обвиняемаго честнаго человѣка, одно слово можетъ оправдать. . . . . Но нѣтъ, они рѣшились погубить его, все преступленїе его въ томъ, что я его люблю. . . . . Почто винить его въ моей горячности? Отъ насъ ли зависить любовь? это чувствованїе природно.

(Силы ее ослабѣваютъ, она бросается въ кресла. Дезормъ въ продолженїе сего явленїя въ величайшемъ отчаянїи. Франваль смотритъ на него безпрестанно съ крайнимъ примѣчанїемъ Дезормъ развлекаемый Франвалемъ и Клементиною, по перемѣнно, то на того, то на другаго устремляетъ свои взоры, обнаруживающїя разнородныя движенїя души его.)

Де-

Дезормъ, говоритъ отрывисто.

Жестокость сїя сверхъ мѣры . . . . за чемъ такъ долго отсрочивать казнь мою? Я не могу уже сносить. . . . (*г. Фронвалю*) А ты! . . . Ты! котораго устремленные на меня взоры кажутся содрагающимися о моемъ несчастїи. . . . Благодари таинству, которое отъ части скрываетъ отъ тебя весь ужасъ моей участи. Я прошу смерти вмѣсто благодѣянїя . . . . присоедини прозьбу свою къ моей. . . . . Убѣди ихъ, чтобъ скорѣе свѣршили казнь. Ахъ! не заставь меня проклинать день моего рожденїя и первыхъ виновниковъ моихъ страданїй . . . . Не доведи меня до того, чтобъ я изрекъ хулы противъ Божества и злобно возстеналъ, что мѣдлитъ карать меня и не повергаетъ въ бездну ада. . . . . Избавь

бавь меня отъ отчаянія, отъ исступленія и богохульства.

Франваль.

Безумной! что ты произнесъ! принеси скорѣе покаянія въ дерзости словъ твоихъ, покайся.

Сирванъ, Клементинѣ съ величайшимъ прискорбіемъ.

Клементина .... любезная дочь! я тебя обнимаю.

Клементина. (приходитъ въ себя; но будучи чрезмерно ослабленна крайнимъ усиліемъ, едва говорить можетъ и понижаетъ постепенно голосъ свой до окончанія стиха.)

Родитель мой! выслушайте меня, и всѣ внемлите: войдите въ мое несчастіе, не осуждайте меня по тѣмъ словамъ, которыя я сказала: истинна и добродѣтель не

не отринуты сердцемъ моимъ . . . . одинъ токмо разсудокъ меня оставилъ. Я едва могла собрать столько силъ, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ о невинности Дезорма . . . . не обагрите рукъ своихъ кровїю неповиннаго; поздное раскаянїе ваше не возвратитъ ему жизни, которую вы съ мученїемъ у него изторгнете . . . . . (*при семъ употребляетъ всѣ силы, чтобъ броситься къ ногамъ отца своего, но упадаетъ на руки къ Юлїи.*) Васъ я болѣе всего заклинаю. . . . . Силы меня покидаютъ . . . . выведите меня отсюда, ... чтобъ при немъ не испустила духъ. . . .

Сирванъ, съ содраганїемъ, таща ея въ комнату.

Клементина! Клементина! (*внѣ себя*) дочь моя! . . .

(Юлїя отводитъ Клементину.)

Де-

Дезормъ, бѣжитъ къ Клементинѣ, но его останавливаютъ слуги.

Я послѣдую за ней во гробъ.

Сирванъ, простирая руки къ Франвалю и въ чрезмѣрномъ отчаяніи.

Она умираетъ. . . . Боже мой! . . . . я на вѣкъ ея лишаюсь.

Франваль.

Несчастной другъ!

Сирванъ.

Такъ, я несчастливъ! . . . . но мнѣ остается нѣкоторая надежда.

Франваль.

Куда ты бѣжишь?

Сирванъ.

Пусти меня.

Франваль.

Поди къ своей дочери.

Сирванъ.

Чтобъ видѣть ея кончину! . . . . Я ничего не слушаю . . . . пусти меня . . . . (*слугамъ, указывая на Дезорма*) стерегите его . . . . . а естьли уйдетъ, ... то вы будете отвѣчать жизнїю. . . . . (*Дезорму отчаяннымъ и злобнымъ голосомъ*) я всего лишился . . . . чудовище! . . . . Я тебѣ отмщу за себя.

Франваль, г. Сирвану, которой хочетъ выйти.

Что ты хочешь дѣлать?

Сирванъ.

Подвергнутъ его всей строгости законовъ . . . . отмстить и умереть. (*Уходитъ, не смотря на сопротивленїя Франваля.*)

Франваль.

Постой . . . . остановись . . . . онъ ушелъ отъ меня (*про себя,*

смотря

смотря на Дезорма) ахъ несчастной! . . . Не смотря ни на что, увы! судьба его . . . . (*слугамъ*) оставте меня одного съ нимъ поговорить. . . . Удалитесь на часъ. (*Слуги входятъ въ другой покой, коего дверь отворена. Отъ времени до времени въ дали ихъ видно.*)

ЯВЛЕНІЕ. VI.

Франваль, Дезормъ.

Франваль. про себя.

Сердце мое сокрушается (*Дезорму, которой сидитъ въ креслахъ, предавшись своей горести.*) Теперь мы одни, я могу обнаружить предъ тобой непостижимую мною жалость, которую я къ тебѣ ощущаю. Мнѣ нѣтъ нужды знать виновенъ ты, иль нѣтъ, но я желаю тебя избавить отъ

предстоящаго тебѣ бѣдствія . . . . . (*онъ подходитъ къ дверямъ, ни одинъ изъ слугъ не показывается; онъ осматривается не могутъ ли его подслушать, возвращается къ Дезорму и говоритъ ему тихимъ голосомъ:*) Войди въ эту комнату . . . . изъ нея окошки въ садъ, тебѣ легко можно будетъ уйтить. . . .

Дезормъ, ничего не отвѣчаетъ и остается поверженъ въ креслахъ. Положеніе его и всѣ знаки являютъ отчаяніе.

Франваль.

Ты ничего не отвѣчаешь , . . . подумай , что время дорого , одна минута предастъ тебя въ такія руки , изъ которыхъ я не въ силахъ уже буду спасти. . . .

Дезормъ, устремляетъ мрачной видъ на г. Франваля и ничего не отвѣчаетъ.

Франваль.

Къ чему такое молчанïе! . . . . . Развѣ тѣмъ ты долженъ воздать мнѣ за предлагаемую тебѣ услугу?

Дезормъ, смотритъ на г. Франваля, тяжко вздыхаетъ, и подымаетъ руки къ небу.

Франваль. (слуги появляются вдали, г. Франваль увидя ихъ, понижаетъ голосъ, говоря съ Дезормомъ.)

Для чего не въ моей волѣ доказать твою невинность! . . . . Ты по всему виноватъ, но со всемъ тѣмъ я желалъ бы предупредить твое несчастïе! . . . . (*слуги удаляются, а г. Франваль взявъ г. Дезорма за руку продолжаетъ:*) поди за мной.

Дезормъ. (пристально смотритъ на г. Франваля встаетъ; и вырьавъ руку свою изъ Франвалевой упадаетъ опять въ кресла. Дѣлаетъ знакъ, что онъ не соглашается бѣжать.)

Франваль.

Ты не соглашаешся . . . . но размысли. . . . . Подумай, что казнь тебѣ предоставлена.

Дезормъ. (болѣе обнаруживаетъ свое отчаянїе, вдругъ встаетъ и опять безъ чувствъ падаетъ.)

Франваль. (слуги опять показываются.)

Когда не для самаго себя. . . . Когда не страшишся ты смерти, когда ты ни во что вмѣняешь посрамленїе . . . . можетъ быть у тебя есть отецъ и мать? . . .

Дезормъ, возводитъ на г. Франваля глаза слезами исполненные и закрываетъ себѣ лицѣ руками.

Франваль.

Такъ, конечно ты ихъ имѣешъ. . . . . Это воспоминанiе извлекаетъ у тебя слезы . . . подумай каково имъ это снести. . . . Ты на вѣкъ ихъ обезславишь. . . .

Дезормъ, встаетъ поспѣшно, ходитъ въ замѣшательствѣ. Пребывъ минуту неподвиженъ, въ продолженiе которой глаза его устремлены внизъ, подбѣгаетъ къ г. Франвалю, бросается ему на грудь и орошаетъ ее своими слезами.

Франваль, съ нѣжнѣйшимъ участiемъ.

Ты плачешъ . . . . ты проливаешъ слезы! . . . . Ахъ Дезормъ!

зормъ! есть преступленія, которыхъ самыя слезы загладить не могутъ, и которыхъ не можетъ замѣнить поздное разкаяніе; общественная безопасность заграждаетъ сердца отъ соболезнованія. .... Но ты меня разжалобилъ. ... Состраданіе пронзаетъ мою душу.

Дезормъ, сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ.

Франваль. (слуги удаляются.)

Удались, спасай себя, я все принимаю на себя.

Дезормъ, дѣлаетъ ему знакъ, что не можетъ согласиться.

Франваль.

Ты желаешъ себѣ смерти....

Дезормъ, взираетъ на него и паки повергается въ его объятія.

Фран-

Франваль.

Пощади жизни свою, несчастной. . . . . Я заклинаю тебя именямЪ твоихЪ родственниковЪ . . . . . именемЪ твоего отца, есть ли ты его имѣешЪ. . . .

ДезормЪ, падаетЪ предЪ Франвалемъ на колени.

Франваль.

Ты обнимаешь мои колена ! я уже сказалЪ тебѣ, ... что не постижимое притяженiе. . . . . Самое нѣжнѣйшее чувствованiе вопiетЪ вЪ сердце моемЪ. . . .

ДезормЪ, беретЪ у Франваля руку, орошаетЪ ее своими слезами, и нѣсколько разЪ сЪ восхищенiемЪ лобызаетЪ ее.

Франваль.

ЖивЪ ли твой отецЪ? . . .

Дезормъ, голосомъ, рыданїями прерывающимся.

Небо мнѣ его сохранило.

Франваль.

Любитъ ли онъ тебя? . . . .

Дезормъ.

Хотя уже и поздно онъ явилъ мнѣ то; но я умираю съ покоемъ. . . . Онъ меня не ненавидитъ.

Франваль.

Кто ты таковъ?

Дезормъ.

Не спрашивайте меня.

Франваль.

Ты не хочешь мнѣ сказать? . .

Дезормъ.

Я долженъ скрывать.

Франваль.

Не знаю ли я твоихъ родителей?

Дезормъ.

Вы! . . . . знаете.

Франваль.

Гдѣ они?

Дезормъ.

Сдѣлайте милость. . . .

Франваль.

Отвѣчай мнѣ . . . откуда ты родомъ?

Дезормъ.

Изъ Гренобля. . . .

Франваль.

Какъ! . . .

Дезормъ.

Ахъ оставте меня умереть. . . .

Франваль.

Скажи мнѣ Дезормъ . . . . живъ ли твой отецъ . . . . и по какой причинѣ ты его оставилъ? . . .

Дезормъ.

Онъ меня возненавидѣлъ.

Франваль.

За что? . . . .

Дезормъ.

По навѣтамъ злобной мачехи.

Франваль.

О небо! взгляни на меня. . . . твои черты. . . . .

Дезормъ.

Сколько ни обезобразило ихъ время и отчаяніе. . . Не ужли не можно распознать? . . . .

Франваль.

Возможно ли . . . . ахъ Франваль! . . . . Это ты . . . скажи. . . . Отвѣчай мнѣ. . . .

Дезормъ.

Что вы хотите знать?

Франваль.

Не уже ли я несчастнѣйшїй тотъ отецъ. . . . .

Дезормъ. упадая на колени.

Простите ли вы меня?

Франваль, съ воплемъ.

Ахъ! это онъ!

Дезормъ, стоя предъ нимъ на коленяхъ и простирая къ нему объятїя.

Жертва гнѣва вашего предстоитъ предъ вами.

Франваль, обнимая его съ восхищенїемъ.

Сынъ мой! тебяль я обнимаю?

Дезормъ.

Родитель мой!

Франваль.

Боже мой! возможноли! тогда какъ раскаянїе умирающей мачихи опра-

оправдало тебя въ глазахъ моихъ, когда я призналъ свою несправедливость, когда обрѣлъ тебя. . . . . Порочная казнь тебѣ предуготовляется.

Дезормъ.

Я столько же не заслуживаю оной, какъ вашу ненависть къ себѣ и жестокое проклятіе, которое вы нѣкогда на меня низвергали!

Франваль, въ величайшемъ безпорядкѣ и отчаяніи.

Напоминаніе сіе на части разрываетъ сердце мое. . . . О сынъ мой! . . . . . о дражайшій сынъ! . . . . Но въ самую сію минуту, великій Боже! тебя обвиняютъ, и совѣщеваютъ о погубленіи твоемъ. . . . . Останься здѣсь. . . . . Я побѣгу за Сирваномъ. . . . Онъ не вѣдаетъ . . . любезный сынъ!

я низвергъ тебя въ эту ужасную бѣздну.

Дезормъ.

Дражайшїй родитель мой!

Франваль, подбѣгаетъ къ слугамъ, кои внутри театра, вызываетъ ихъ, и говоритъ имъ торопливо, голосомъ прерывающимся рыданїями, хватая ихъ за руки и указывая имъ на Дезорма.

Войдите сюда, друзья мои! . . . . Этотъ несчастный, котораго вы видите . . . сынъ мой . . . не огорчайте его . . . онъ невиненъ. . . . Сжальтесь надо мною . . . . пощадите его. . . . . Я бѣгу. . . . Дай Боже, чтобъ я не опоздалъ!

(Онъ входитъ въ среднюю дверь, Дезормъ послѣдуетъ за нимъ до самой внутренности театра; онъ простираетъ къ нему руки до тѣхъ поръ, пока думать должно, что потеряетъ его изъ глазъ; потомъ остается въ задней комнатѣ, окруженъ будучи слугами.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Во время сего междодѣйствія, внутренность театра открыта; Дезормъ прохаживается, сидитъ, встаетъ; волненіе его и безпорядокъ чрезмѣрны; слуги другъ съ другомъ переговариваютъ, одинъ на другаго посматриваютъ, и оказываютъ сostраданіе.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Юлія, Лудовикъ.

Лудовикъ, идучи на встрѣчу Юліи, выходящей изъ Клементининой комнаты.

Что Юлія! . . . . какова барышня? . . . .

Юлія.

О жизни ея еще отчаяваться не должно.

Лудовикъ.

Сохрани Боже, естьли мы ея лишимся!

Юлія.

Она теперь въ памяти и кажется, что нѣсколько успокоилась; только не хочетъ принимать никакихъ вспоможеній. . . . . Ежеминутно плачетъ; произноситъ Дезормово имя; вдругъ осушаются ея слезы, повергается опять въ глубокую задумчивость, и опамятовавшись, безпрестанно твердить имя своего любовника.

Лудовикъ.

Г. Франваль поскакалъ въ слѣдъ за г. Сирваномъ; онъ былъ въ превеликомъ безпорядкѣ . . . мы изъ почтенія удалились; онъ вдругъ насъ кликнулъ и говорилъ намъ: „ друзья мои, это мой „ сынъ. . . . . Онъ невиноватъ „ . . . . не огорчайте его . . . . „ сжальтесь надомною . . . . по„ щадите его. . . . . „ Потомъ вышелъ; онъ былъ весь распла-

канъ . . . . мы не понимаемъ, что это значитъ.

Юлія.

Сынъ его! Дезормъ сынъ его! . . .

Лудовикъ.

Онъ намъ такъ сказалъ.

Юлія.

Великій Боже! можетъ быть кончатся наши несчастія! . . . Ахъ, это Германъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Лудовикъ, Германъ, Юлія.

Юлія.

Ты уже пріѣхалъ!

Германъ. (Въ сапогахъ съ хлыстомъ въ рукахъ.)

Баринъ мой съ сыномъ г. Франваля блиско отсюда, я ихъ опередилъ. Они чрезъ полчаса пріѣдутъ.

Юлія.

Юлія.

СЪ того времени, какЪ вы выѣхали, вЪ здѣшнемЪ замкѣ произошло много страннаго . . . Клементина едва жива осталась.

ГерманЪ.

О небо !

Юлія.

Можноли было подумать ? . . . ДезормЪ. . . . .

ГерманЪ.

Что такое ?

Юлія.

ВЪ этомЪ кабинетѣ была знатная сумма денегЪ . . . . ночью онЪ скрылся и унесЪ сЪ собою деньги , которые вчера получилЪ.

ГерманЪ.

КакЪ !

Юлїя.

По всему онъ признается виноватымъ, никакъ не льзя сумнѣваться. . . .

Германъ.

Его обвиняютъ?

Юлїя.

Его отдадутъ подъ судъ.

Германъ, вскричавъ.

Ахъ Боже мой! праведный Боже!

(выходитъ съ поспѣшностїю.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Юлїя, Лудовикъ.

Юлїя.

Что онъ сказалъ? . . . . Куда онъ побѣжалъ? . . .

Лудовикъ.

Почему знать, можетъ быть Дезормъ и невиненъ. . . .

Юлія.

Я понять не могу . . . . слова твои, удивленіе, и ужасное состояніе Германа, скорой его побѣгъ, все это приводитъ меня въ крайнее недоуменіе. . . . Побѣгу къ Клементинѣ . . . . естьли Дезормъ оправдается, то ея прежде всѣхъ увѣдомить должно.

(Дезормъ показывается во внутренности театра.)

Лудовикъ, указывая Юліи.

Вотъ онъ.

Юлія.

Утѣшь его, сколько можешь. . . . Ободри его, чтобъ онъ старался оправдать себя. . . . Это для насъ столько же нужно, какъ и для его самаго. (уходитъ.)

(Дезормъ идетъ мѣдленно. Онъ имѣетъ на себѣ мрачный и обезображенный видъ, часто возводитъ глаза къ небу. Слуги внутри театра, всѣ кажутся въ сокрушеніи.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дезормъ, Лудовикъ.

Лудовикъ, подходя къ Дезорму съ почтеніемъ, говоритъ ему ласково и сострадательно.

Господинъ Дезормъ! . . . .

Дезормъ.

Другъ мой. . . . . Я смѣю спросить тебя . . . . сдѣлай милость, скажи.

Лудовикъ.

Говорите, не опасаясь ничего. . . . . Не думайте, чтобъ я васъ признавалъ виноватымъ. . . . . Нѣтъ, я всегда считалъ, что вы ни чего безчестнаго не сдѣлаете.

Дезормъ.

Не мною заниматься должно. . . . . не скрывай ничего . . . . . скажи, не всѣ ль несчастія надо

мною

мною свершились. Не всего ли я лишился? . . . . Барышня ваша. . . . дѣвица СирванЪ?

ЛудовикЪ.

Слава богу, она жива.

ДезормЪ.

Великїй Бо́же! благодарю тебя! . . . . . да продлится жизнь ея, теперь я умру сЪ покоемЪ.

ЛудовикЪ.

АхЪ! сударь, вы оправдаетесь. . . . Праведное небо не допуститЪ, чтобЪ осудили васЪ по одной наружности. Мы васЪ любимЪ и почитаемЪ; нѣтЪ изЪ насЪ ни одного, ктобЪ не благодаренЪ вамЪ былЪ за какое нибудь благодѣянїе, такая честность и человѣколюбїе несродны подлому сердцу.

ДезормЪ.

Уваженїе твое для меня очень прїятно . . . . будь увѣренЪ, что

я того достоинъ. . . . . Когдабъ не было на свѣтѣ Клементины, тобъ ты одинъ только отдалъ мнѣ справедливость.

ЯВЛЕНІЕ V.

Клементина, Дезормъ, Юлїя.

(Слуги внутри театра.)

Клементина, говоря Юлїи. Безпорядокъ ее не столь великъ, силы ее постепенно приращаются въ продолженїе сего явленїя.

Нѣтъ, нѣтъ, догадки твои не ложны . . . . . . Я вѣрю словамъ твоимъ и предчувствованїю своему. . . . . Ахъ! Дезормъ, я къ тебѣ пришла.

Дезормъ.

Возможно ли! вы еще удостоиваете лицезрѣнїемъ своимъ несчастнаго! . . . .

Клементина.

Развѣ дни мои не присоединены къ твоимъ? Ябъ не пережила ни минуты послѣ того бѣдственнаго удара, которой бы сразилъ тебя . . . но мнѣ сказала Юлїя . . . . Она говорила мнѣ о г. Франвалѣ, о твоемъ отцѣ! увы! мысли мои встревожены до крайности. . . . . Скажи мнѣ какое отношенїе между отцемъ твоимъ и г. Франвалемъ.

Дезормъ.

Мой рокъ таковъ, чтобъ служить бѣдствїемъ всѣму, что мнѣ любезно. . . . . Отецъ, которой толь долгое время удручалъ меня своею ненавистїю, и которой, вышедъ изъ заблужденїя своего, отверзаетъ мнѣ свои объятїя и возвращаетъ нѣжность. . . . . Это г. Франваль.

Клементина, помолчавъ нѣсколько, говоритъ Юлїи прерывающимся голосомъ и дѣлаетъ усилїе, чтобъ притьти въ твердость.

Онъ не погибнетъ. (*Дезорму*) Не унывай, любезной другъ, участь твоя перемѣнится. . . . Отецъ никогда не оставитъ своего сына, хотябъ онъ и виновенъ былъ. . . . Онъ спасетъ тебя.

Дезормъ.

Въ его ли ужь это власти? . . . . . . онъ погнался за г. Сирваномъ . . . . . и до сихъ поръ не возвращается. . . . . Доносъ учиненъ. . . . Улики меня обвиняютъ; и когда небо не защититъ, то погибну.

Клементина, съ величайшимъ выраженїемъ.

Нѣтъ, сердце мое оживилось: я пришла въ разсудокъ; надежда воз-

возродилась въ душѣ моей . . . . . такія предзнаменованія обмануть не могутъ. Несчастіе достигло своего предѣла. . . . . . Это было тебѣ искушеніе; но ты скоро восторжествуешъ.

Дезормъ, съ трепетомъ.

Что за шумъ слышу я? . . .

Клементина, громогласно.

Я тебѣ сказала, что нещастія наши пришли къ концу.

ЯВЛЕНІЕ послѣднѣе.

СИРВАНЪ, входитъ съ одной стороны съ полицѣйскимъ офицеромъ, ФРАНВАЛЬ прибѣгаетъ изъ средины театра; ВАЛЬВИЛЬ, ГЕРМАНЪ и ФРАНВАЛЬ сынъ поспѣшно вбѣгаютъ; КЛЕМЕНТИНА, съ ЮЛІЕЮ находятся на правой сторонѣ театра; ДЕЗОРМЪ въ срединѣ, КАРЛЪ, ЛУДОВИКЪ и прочіе слуги наполняютъ внутренность театра.

Сирванъ, указывая на Дезорма Офицеру.

Вотъ онъ! государь мой, вотъ онъ.

Клемен-

Клементина, упадая въ объятія Юліи и простирая къ отцу своему руки.

Удержитесь.

Франваль отецъ.

Что ты хочешь дѣлать? . . . это сынъ мой. . . . . Умерщвляй его въ объятіяхъ моихъ.

Сирванъ.

Сынъ его!

Франваль сынъ, бросаясь съ обнаженною шпагою между Офицеромъ и братомъ своимъ.

Это братъ мой! . . . . Онъ невиненъ.

Германъ, упадая на колени предъ г. Сирваномъ.

Ахъ! . . . . ради Бога . . . . выслушайте меня. . . . .

Вальвиль, у ногъ отца своего.

Я всему причиною. . . . . Пощадите невиннаго.

Сирванъ и франваль, (вмѣстѣ.)

Что ты говоришъ? Что онъ говоритъ?

Вальвиль и Германъ.

Пощадите невиннаго . . . . я всему причиною.

Вальвиль, продолжая.

Родитель мой выслушайте меня. . . . . Дезормъ невиненъ, ... а сынъ вашъ.

Сирванъ.

Мой сынъ!

Вальвиль.

Такъ, во время ночи, когда всѣ спали. . . . . Я одинъ. . . .

Германъ.

Ахъ я болѣе виноватъ, нежели онъ!

Сирванъ.

Говори, . . . говори. . . . .

Вальвилль.

Вчера я проигралъ большую сумму денегъ и обѣщалъ заплатить. Но опасаясь вашего гнѣва, я не зналъ къ чему прибѣгнуть. . . . . Я былъ въ совершенномъ отчаянїя . . . . принудилъ этаго честнаго человѣка, угрожая ему своею смертїю, быть участникомъ моего злодѣянїя. . . . . Вы почивали, никого небыло, этотъ кабинетъ былъ не запертъ, я вынулъ бывшїе тутъ деньги; выѣхалъ въ четвертомъ часу утра и расплатился. Потомъ отправился на встрѣчу г. Франвалю, которому разсказалъ о своемъ про-

игры-

игрышѣ, о стыдѣ и преступленіи . . . . по великодушной его дружбѣ я готовился вложить похищенное и тѣмъ загладить. . . . . Какъ пріѣхавъ сюда, узналъ, что Дезормъ . . . . невинной Дезормъ! погибаетъ за мое преступленіе. Родитель накажи меня, нещади сына своего, которой нанесъ тебѣ такое безчестіе; пронзи сердце мое, угрызеніями раздираемое . . . не жалей, рази! я умру безъ роптанія.

Сирванъ, по нѣкоторомъ молчаніи, произшедшемъ отъ удивленія, которое и всѣ оказываютъ Вальвиля выслушавъ.

Несчастной! до чего было довелъ ты отца своего? (*Дезорму*,) а ты котораго я толь гнусно и не справедливо обидѣлъ! . . .

Клементина, съ покойною родостію.

Ахъ! я увѣрена въ немъ была

Дезормъ

Дезормъ, въ изумленіи.

Государь, мой! . . . . родитель мой! Клементина . . . дражайшая Клементина! . . .

(Онъ не помнится отъ радости и дѣлаетъ знакъ, что не можетъ болѣе говорить.)

Франваль, отецъ.

Сынъ мой! . . . . эта нечаянность его сразила. . . .

Франваль, сынъ.

Любезной братъ приди въ себя. . . . . Почувствуй нѣжныя лобзанія своего брата.

Сирванъ, прижимая его съ нѣжностію.

Любезной другъ. Прости мнѣ, что я причинилъ тебѣ столько огорченія.

Дезормъ, приходя въ себя и осматриваясь, видитъ Клементину и говоритъ томнымъ голосомъ, но съ такимъ лицемъ, въ коемъ изображается чувствительность.

Клементина . . . она мнѣ это сказала. . . . . Вотъ она, родитель мой, я думалъ, что буду стоить ей жизни.

Клементина, пріятнѣйшимъ голосомъ.

Виноватали я была? Неужли и теперь вы меня осуждаете!

Сирвалъ.

Проступки мои ужасны! . . . . (*Вальвилю*) Вообрази пропасть, въ которую ты едва не повергъ меня. Безразсудной юноша! ты причиною, что съ честнымъ человѣкомъ поступлено, какъ съ подлымъ преступникомъ. . . . . Видишъ ли ты теперь ужасныя

слѣдствія той продерзости, которая сдѣлалась всеобщею, и отъ которой въ твои лѣта не можно предвидѣть всѣхъ бѣдствій? Когда ты хочешь, чтобъ я забылъ это, то разсказывай всѣмъ. . . . . Самъ разсказывай . . . . . я этаго требую. . . . . Чтобъ примѣръ твой и грызенія совести заставили трепетать и удержали бы всѣхъ тѣхъ, которые могутъ покуситься на подобную безразсудность, ... а ты Германъ! ты былъ столько слабъ.

Германъ, съ слезами.

Я самъ не понимаю. . . .

Сирванъ.

Я не сумнѣваюсь въ твоей честности. . . . Вижу твое раскаяніе и считаю его чистосердечнымъ . . . . ты самъ себѣ скажешъ все, чтобъ я могъ сказать тебѣ.

Гер-

Германъ, обнимая колени г. Сирвана.

Милосердїе ваше умножаетъ мое сокрушенїе.

Сирванъ.

Встанте, я васъ прощаю! (*Вальвилю*) Этотъ урокъ ужасенъ . . . . . не забудь его.

Вальвиль.

Ахъ родитель мой! ахъ Дезормъ стыдъ мой и раскаянїе ни съ чемъ сравнишься не могутъ; я цѣлой вѣкъ буду сокрушаться, что навлекъ подозрѣнїе на такого человѣка, котораго я всегда почиталъ.

Дезормъ.

Сему то самому проступку, въ которомъ вы себя упрекаете съ такимъ прискорбїемъ я долженъ благополучїемъ моимъ. . . . . . Чрезъ него снискалъ я себѣ отца и Клементину . . . . предадимъ забвенїю минувшїя злоключенїя,

мнѣ кажется, что это былъ одинъ только сонъ.

Сирванъ, г. Франвалю, указывая на Дезорма.

Любезной другъ, я возвращаю тебѣ твоего сына.

Франваль отецъ.

Колико предъ нимъ я виновенъ! . . . . ничемъ не могу загладить моей несправедливости.

Сирванъ, Дезорму.

Ты много претерпѣлъ отъ меня, любезной другъ . . . . можетъ ли Клементина заставить тебя забыть мою жестокость?

Дезормъ.

Ахъ, сударь!

Сирванъ, Франвалю отцу.

Вы на это согласитесь. . . . (*Франвалю сыну*) Я надѣюсь, что и вы не примите себѣ за обиду. . . . Мнѣ

. . . . Мнѣ не свѣдомо было о любви ихЪ, вы будите столько великодушны. . . .

Франваль отецЪ.

ОнЪ знаетЪ чемЪ обязанЪ своему брату. . . . .

Франваль сынЪ.

Не брату, а другу своему . . . . да присоединится чувствованїе дружества кЪ природѣ. Любезный братЪ! наслаждайся толь благопрїобретеннымЪ тобою щастїемЪ. Любите во мнѣ, сударыня, друга вашего супруга. Я сколько можно стараться буду заслуживать ваше уваженїе кЪ себѣ и его любовь. Будьте щастливы, благополучїе мое присоединено кЪ вашему.

*Дезорм*Ъ.

Любезной братЪ . . . . слезы мои тебѣ за меня отвѣчаютЪ.

(СирванЪ соединяетЪ Дезорма сЪ Клементиною.)

Клемен-

Клементина.

Ахъ Дезормъ!

Дезормъ.

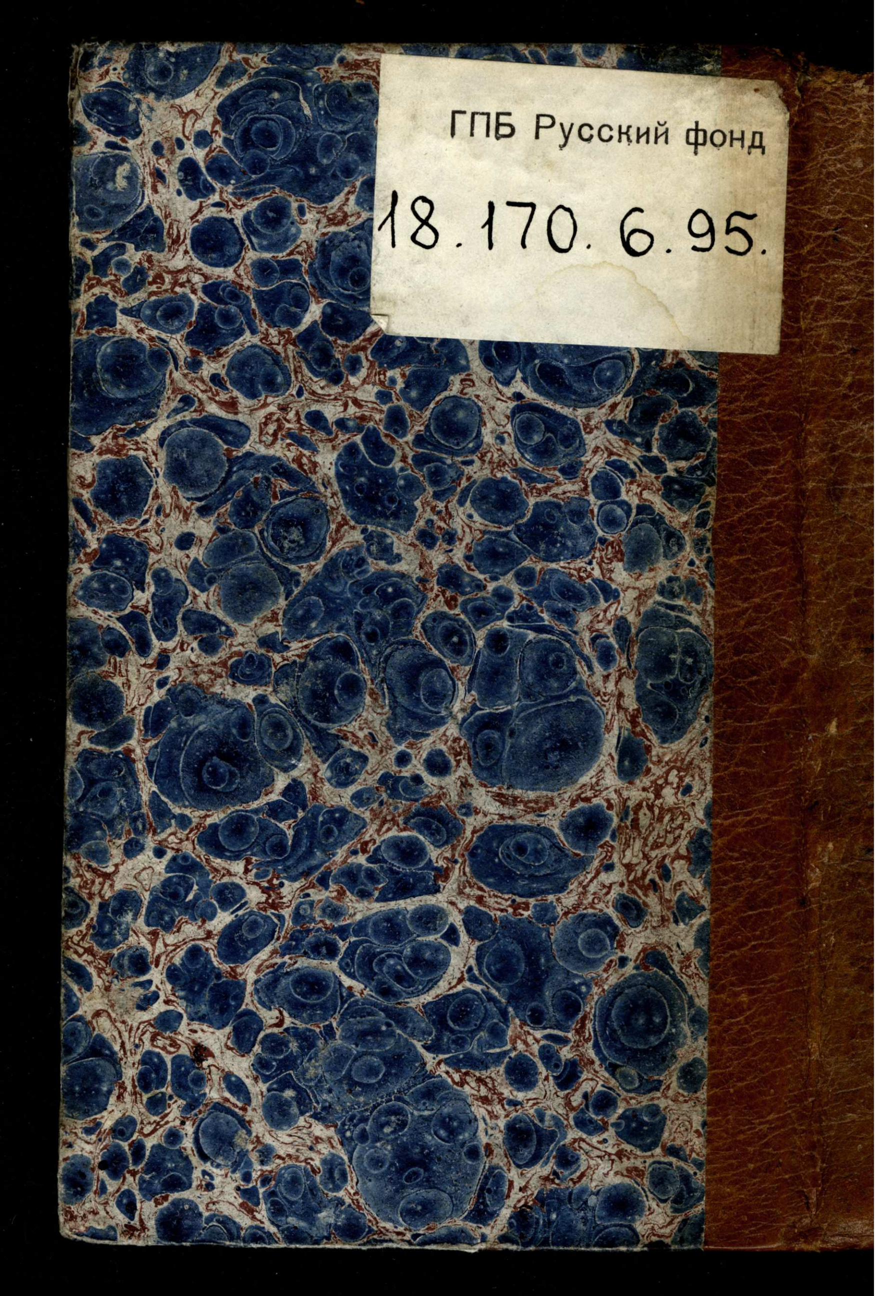
Ахъ! Клементина, какъ перемѣнилась наша участь! По истиннѣ я торжествую.

Сирванъ.

Этотъ день, любезныя мои дѣти, былъ ужасенъ. . . . . Да премѣнится онъ на радостную жизнь. . . . . Вы меня не покинете . . . . . мы будемъ жить вмѣстѣ. . . . Я постараюсь загладить. . . . . Такъ, любовь моя къ вамъ все приведетъ у васъ въ забвенїе.

КОНЕЦЪ.

ГПБ Русский фонд
18.170.6.95.